

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 52

**МАКС ПРЕСС
Москва
2015**

УДК 81
ББК 81
Я410

Р е д к о л л е г и я :

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук М.Л. Ковшова,
доктор филол. наук В.В. Красных

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгононарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2015. –
Вып. 52. – 104 с.

ISBN 978-5-317-05157-0

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Language - Mind - Communication. Issue 52 / Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I. (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2015. - 104 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-05157-0

© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Кульпина, Татаринов В. А.* О полиаспектной интерпретации японского языка и японистики4
- Лю Сяо (КНР).* Английские метафоры с компонентом «Любовь» как отражение национального менталитета26
- Дербишева З.К.* Индивидуально-авторский концепт «зло» в концептосфере Чингиза Айтматова40
- Янь Кай (КНР).* Психолингвистический подход к изучению взаимосвязи текста и человека порождающего и получающего52
- Янь Кай (КНР), Ван Хунвэй (КНР).* Код культуры как объект изучения психолингвокультурологии (на материале цветового и числового кодов в русской и китайской лингвокультурах)63

ЛИНГВИСТИКА

- Изотов А.И.* Новые направления славянского языкознания: корпусная лингвистика82

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Изотов А.И.* Чешский как иностранный94
- Авторы выпуска / Authors104

О ПОЛИАСПЕКТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА И ЯПОНИСТИКИ

В.Г. Кульпина, В. А. Татаринов

CONCERNING POLYASPECTUAL INTERPRETATION OF JAPANESE LANGUAGE AND JAPANISTICS

V.G. Kulpina, V.A. Tatarinov

ABSTRACT:

The second volume of the collected articles “Opuscula Japonica et Slavica” is analysed. It’s editor is famous Polish linguist, professor of Warsaw University Jan Wawrzyńczyk. Peculiarity of the volume is epistemological idea of connecting role of philology for humanities. There was choosed Japanese as the model language for philological commentary.

Keywords: philology, japanistics, linguopoetics, glottodidactics, education, culture, Japanese language

АННОТАЦИЯ:

Анализируется второй том продолжающегося издания Opuscula Japonica et Slavica, выпускаемого под редакцией известного польского языковеда, профессора Варшавского университета Яна Вавжиньчика. Особенностью тома является эпистемологическая идея о цементирующей роли филологии в кругу гуманитарных дисциплин. В качестве языка-эталона для филологического комментария избран японский язык.

Ключевые слова: филология, японистика, лингвопоэтика, лингводидактика, образование, культура, японский язык

Вниманию уважаемого читателя предлагается обзор продолжающегося издания Opuscula Japonica et Slavica, посвященного проблемам японистики (том второй)¹. Издание предпринято польскими учеными с широким участием российских коллег по научному цеху. Главный редактор серии – известный языковед, профессор Ян Вавжиньчик.

¹ Рец. на кн.: Opuscula Japonica et Slavica / Ed. Jan Wawrzyńczyk. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – 225 s. Текст настоящей рецензии был ранее опубликован, но в силу ряда обстоятельств авторы сочли необходимым опубликовать рецензию повторно. На первый том опубликована рецензия: *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Японистика в славянском контексте // Вестник Московского университета. Сер. 22, Теория перевода. – 2015. – № 1. – С. 120–135 [6].

Во втором томе *Opuscula Iaponica et Slavica* продолжены намеченные в первом томе сюжетные линии: наряду с главенствующей филологической проблематикой обсуждаются также вопросы японской системы образования, преподавания иностранных языков, социокультурные проблемы промышленного развития, международных отношений.

В открывающей том статье *В.М. Алпатова* (Москва) «On Japanese linguistic myths» 'К вопросу о японских лингвистических мифах' языковедческий дискурс предваряется экскурсом в историю японского языка и японского этноса. Разнообразие, своеобычность и живучесть японских лингвистических мифов связывается в статье с островной изолированностью японцев (японцам не пришлось оберегать свой язык от колониального влияния) и длительностью письменной традиции японского языка. Японская нация сложилась уже в первые века нашей эры; вехой стал здесь японский язык, сформировавшийся на австронезийском субстрате при его смешении с ветвью алтайских языков (влияние языка *айну* не оказалось значительным, и проявилось фактически лишь в географических названиях). Эволюционируя, японский язык хранил свою грамматику и лексический фонд (структурные изменения в наибольшей мере затронули фонетику). В то же время этот язык нельзя назвать гомогенным, так как его диалектная членимость весьма высока. Номинации японского языка интереснейшим образом зафиксировали его название «для своих» – *кокуго* 'наш язык' и *нихонго* 'японский язык' (вообще) (при этом иностранцы учат *нихонго*, не *кокуго* (ведь такое название «забронировано» исключительно для тех, для кого японский – родной). Характерно, что старописьменный японский язык *бунго* использовался лишь японцами – в отличие от латинского, старославянского, санскрита и ряда других языков, имевших интернациональный характер. Японская национальная лингвистическая традиция сформировалась в XVII–XVIII вв. на основе *бунго* и была исключительно японской. В.М. Алпатов упоминает о хождении японизированного текстового варианта китайского – *камбун*, имевшего целый ряд отличий по сравнению с письменным китайским языком. В целом языковое влияние на японский других языков оценивается как значительное. В первом тысячелетии нашей эры такое влияние оказал китайский язык, особенно в VII–X вв., а в XIX–XXI вв. – английский язык.

В современном японском языке функционируют следующие подсистемы: исконной японской лексики *ваго*, японской лексики китайского происхождения *канго* и подсистема лексических заимствований из западных языков, прежде всего американского английского: *гайрайго* / *катаканаго*: «Эти три подсистемы специфичны по своим фонетическим и грамматическим особенностям и проявляют тенденцию к семантиче-

ской дифференциации» [2. С. 10]. Особенностью японского языка является, в частности, наличие особой азбуки – *катаканы*, предназначенной для фиксации иностранных слов – главным образом берущих свое начало из западных языков, и таким образом, заимствования образуют в японском языке особую подсистему (в других языках такое явление отсутствует).

Один из лингвистических мифов, рассматривающихся в статье, основывался на идее постановки знака равенства между *быть японцем* и *говорить на японском языке*. Следствием хождения этих мифов и произрастающих на их почве идей является отсутствие у японцев стремления к интернационализации японского языка – так, на повестку дня не ставится признание японского в качестве языка ООН.

В.М. Алпатов акцентирует интерес японцев к лингвистическим проблемам, делая вместе с тем оговорку, что этот интерес практически всецело сосредоточен на их родном языке. В статье обрисовывается фон зарождения лингвистических мифов, подчеркивается глубина их проникновения в сознание японцев и даже в научную сферу, которая также вбирает в себя фольклорные мотивы.

Миф об уникальности японского языка развивался Судзуки Такао, выдвигавшего в его пользу следующие аргументы: нет другого такого народа, который, проживая на одной и той же территории в морском окружении, говорил бы полтора тысячелетия всё на том же языке. Хага Ясуси, поддерживая идею об уникальности японского языка, делал упор на тот факт, что японский язык стал национальным значительно раньше, чем сформировались национальные языки в Европе. В.М. Алпатов в связи с высказанными выше мнениями полагает, что несмотря на необычайную стабильность языковой ситуации и этническую однородность, вряд ли стоит переносить на стародавние времена современные представления о нации и национальном языке. При этом японскую ситуацию можно не рассматривать как абсолютно уникальную, если принять во внимание, к примеру, Исландию. К тому же за последние десятилетия произошли изменения в языковой ситуации в Японии – здесь сейчас имеются весомые иммигрантские сообщества (насчитывающие примерно два млн человек).

История страны наложила отпечаток на японское языковое и национальное сознание, которое формировалось в оппозиции к Китаю и Западу. Классическая японская школа *кокугаку* делала упор на японском в противовес китайскому и санскриту. Преимущества японского языка виделись в том, что в нем малое количество звуков. Подчеркивалось, что все языки друг другу родственны и лишь японский стоит особняком. Аргументом в поддержку идеи уникальности служил и порядок

слов в японском языке: *субъект > прямой объект > глагол*, в связи с чем В.М. Алпатов замечает, что такой порядок слов среди языков мира получил наибольшее распространение; иным он является в индогерманских языках, взятых Судзуки Такао за основу сравнения.

Миф о сложности японского языка проистекает из сложившегося представления о том, что западный человек не способен им овладеть (такое мнение не высказывается, к примеру, в отношении корейцев). Возможно, этот миф зародился в Японии во времена американской оккупации (или ранее) и бытует по сей день, поддерживаемый тем фактом, что представители американских оккупационных властей не проявляли стремления выучить японский язык. Миф о сложности японского языка увязывался в Японии с идеей о его особом богатстве, обилии синонимов, однако этот миф был подвергнут критике (в частности, японским лингвистом Сибатани Масаёси). В связи с этим В.М. Алпатов акцентирует внимание на том, что «богатая синонимия есть свойство любого языка с развитой системой функциональных стилей» [2. С. 12], в том числе и японского. Стилистическая дифференциация находит свое выражение в употреблении лексики разных языковых регистров: *ваго*, относящейся к разговорному или нейтральному функциональному стилю, книжной лексики *канго* и лексики *гайрайго*, связанной с престижем или высокими технологиями. В.М. Алпатов указывает, что установить факт особого лексического богатства японского языка могли бы статистические исследования (каковых на сегодняшний день не имеется).

Миф о присущей японцам культуре молчания предполагает склонность к невербальным средствам передачи информации (при определенном недоверии к устной речи). Бытует мнение, что западные люди чрезмерно разговорчивы, язык для них оружие, в то время как японцы считают себя членами одной семьи. Отголоски этого мифа можно обнаружить в пословицах японского народа и в общественной жизни; его истоки возводятся к понятию идеала, по Конфуцию; упоминания об этом мифе встречаются и в западных источниках; В.М. Алпатов обращает внимание на то, что явление эллипсиса имеет место в любом языке. В то же время японский эллипсис лингвоспецифичным образом проявляется в японских формах вежливости (*кэйго*), в которых зафиксирована возможность выбора тех из них, при которых опускаются личные местоимения, а также маркеры падежных отношений (на фоне того, что личные окончания не могут опускаться в западных языках, обладающих флексией): «Таким образом, в этом мифе есть и зерно истины, но это зерно рассматривается под увеличением» [Там же]. Истина же скорее в том, что в контактах с людьми извне своей группы японской традицией востребовано молчание (при этом в группе «извне» часто

оказываются иностранцы). В то же время в общении между собой японцы отнюдь не прочь поговорить. Суммируя, В.М. Алпатов отмечает, что молчание – скорее идеал, чем стандарт поведения.

В.М. Алпатов упоминает о том, что японская лингвистическая мифология может склоняться к некоторым концепциям западной лингвистики, если эти концепции «шагают в ногу» с японскими языковыми стереотипами; в частности, проявляется интерес к гипотезе Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа, гласящей, что формирование представлений человека о мире осуществляется с помощью родного языка, отсюда различия между странами могут получить объяснение через языковые различия. При этом, как подчеркивает В.М. Алпатов, авторы таких концепций фактически ограничиваются сравнением Японии только со странами Запада, причем исключительно с англоговорящими. Так, в книге братьев Фукуда как типичном образце таких публикаций выдвигаются следующие тезисы: 1) английский язык настроен на обозначение части целого, а японский – на целостность, и 2) английский язык склонен делить целое на изолированные части, японский же избегает четко очерченных границ. Выделенные лингвистические признаки проецируются в оценку американского и японского обществ, причем американское расценивается как индивидуалистское с присущей ему конкурентной борьбой, а японское – как гармоничное и социально ориентированное. Как указывает В.М. Алпатов, такие тезисы не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты; примеры реальны, но отсутствуют критерии их отбора. И таким образом, лингвистические языковые стереотипы служат объяснению неязыковых явлений, а именно, различий между Японией и другими странами, способствуя формированию особой этномифологии и этномифопоэтики. В другой, недавно увидевшей свет статье В.М. Алпатова «Что такое картины мира и как до них добраться?», говорится: «Можно сопоставить *мировоззрение с идеологией, выраженной с помощью языка*, а *мировидение с идеологией, выраженной в языке*» [1. С. 15], и с этим нельзя не согласиться. В то же время в японских лингвистических мифах мы наглядно наблюдаем, как мировидение перетекает в мировоззрение, как миф трансформируется в национальную идею. В.М. Алпатов мягкой, но неоспоримой аргументацией сводит миф к общему знаменателю реальной действительности; мифы получают объяснение путем установления причинно-следственных связей и анализа их истоков, но при этом безо всякого ущерба для лингвопоэтичности их мифотворческого нарратива.

С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский (Магадан) в статье «Японский язык: уникальность и открытость (к проблеме китайского влияния)» обращают внимание на научную плодотворность изучения китайского и

японского языков. Они фокусируют внимание на проблематике их взаимодействия, на специфических путях проникновения китайской лексики в японский язык и функциях этой лексики в японском языке.

Авторы подчеркивают важность островного положения Японии с точки зрения минимизации внешнего воздействия на язык и страну в целом. В качестве важнейшего обстоятельства, предопределившего особенности японского языка, они называют тот факт, что «влияние китайского языка на японский происходило не за счет прямого заимствования японским языком слов китайского языка, как это имеет место при непосредственных контактах носителей двух разных языков, а опосредованно – через письменность» [10. С. 17–18].

С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский останавливаются на родственных связях японского языка с другими языками – алтайскими и австронезийскими, подчеркивая наличие соответствий между японским вокализмом и вокализмом других алтайских языков, в том числе между корейским и японским языками. Они обращают внимание на то, что система школьного образования в Японии была пронизана разнообразными китайскими элементами: от конфуцианской философии и вплоть до китайского фонетического чтения и письменности. Японская система письма формировалась в III–IV вв. н.э. на основе китайской иероглифической письменности. Авторы подчеркивают, что китайская лексика активно заимствовалась японским языком начиная с VII века, то есть на протяжении более тысячелетия. В то же время китайский язык повлиял на японский в том плане, что корневые морфемы китайского языка сформировали основу для порождения новых японских слов – выполнив в японском языке ту же роль, что латинские и греческие корни в европейских языках. Разработанные две японские слоговые азбуки помогли упростить ряд китайских идеограмм. И таким образом, лексический состав японского языка содержит большое количество китайских слов.

Авторы проводят сопоставительный анализ лексики, представленной в учебнике разговорного китайского языка «Elementary Spoken Chinese», выделив в нем 804 языковые единицы как основы для определения с помощью статистических выкладок количественного состава китайской лексики в японском языке на линии *китайский иероглиф – аналогичный иероглиф, используемый для обозначения японского слова с аналогичной семантикой* (нередко удается установить и фонетико-фонологические соответствия). Среди такой лексики особо выделяются параметрические прилагательные и наречия (например, с семантикой *малочисленный – многочисленный, высокий – низкий, внизу, вверху, в середине, впереди*), прилагательные цвета. Глубокие аналогии вплоть до идентичности отмечаются в сфере числительных, в словообразовании (в частности, на-

званий лиц), в ряде категорий местоимений (категории числа) – яркие совпадения здесь достаточно наглядны. Определенные аналогии прослеживаются и в системе счетных слов японского языка и классификаторов китайского языка – различия связаны с разной дистрибуцией семантического объема, охватываемого этими категориями.

Предпринятый С.Н. Пономарчуком и Р.Р. Чайковским статистический анализ лексики, представленной в вышеназванном учебнике разговорного китайского языка для начального этапа обучения – по частям речи, по грамматическим категориям, по группам лексики, показал, что из обследованного количества 804 китайских лексем, составивших базовый материал анализа, 40,7% в иероглифической презентации имеет полные или частичные совпадения с лексикой японского языка.

Анализируя лексический состав учебника японского языка Судзуки Синобу «Японский язык: первые шаги», С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский установили, что из общего количества 1355 анализируемых лексем 56,7% имеет полные или частичные совпадения с китайской лексикой.

Такой перекрестный анализ учебников для начального этапа обучения по каждому из рассматриваемых языков продемонстрировал, что «примерно 40% лексики китайского языка будет понятна человеку, владеющему японским языком, и *vice versa*, более 50% лексики японского языка будет с легкостью воспринята человеком, владеющим китайским языком» [10. С. 23]. Таким образом, глоттостатистические методы позволяют наглядно представить исторически сложившиеся языковые японо-китайские параллели.

Авторы отмечают, что, сохраняя свою уникальность, японский язык открыт для нового, а за последние десятилетия он подвергся значительному воздействию английского языка. Они подчеркивают в японском языке также то, что с большим трудом поддается исчислениям – его нежность и поэтичность.

В обширной статье М. Ивановского (Варшава) «К японско-польской атергологии» внимание уделено истории двуязычных (переводных) словарей, начиная с глубокой древности. Так, в Сирии среди древних развалин на территории современного селения Тель-Мардих был обнаружен написанный на глиняных табличках клинописью шумерско-аккадский двуязычный словарь, относящийся к 2350 г. до нашей эры. Словари такого типа, указывает М. Ивановски, обычно состояли из 24 табличек, на которых размещалось до 50 переводных пар, подобранных по тематическому принципу (с названиями транспортных средств, кораблей, растений, животных, небесных тел и др.). Двуязычные словари всегда были основой обмена информацией между центрами цивилиза-

ции. Восприятие высокой иноязычной культуры всегда способствовало созданию двуязычных словарей с разветвленными словарными статьями. В истории польской двуязычной лексикографии первые такие словари были латинско-польскими. М. Ивановски обращает внимание на то, что при первых контактах цивилизаций сначала создаются словари для перевода с иностранного языка на родной (по объему они всегда гораздо больше используемых для перевода с родного языка на иностранный). М. Ивановски подчеркивает, что процесс перевода заключается в сопоставлении текстов, в каждом из которых содержится «характеристика сопоставляемой ситуации в одном и в другом языке, зависящая не только от текста, но и от особенностей языка, специфических черт духовной, материальной культуры носителей языка...» [3. С. 46)]. Так, в переводном тексте о средневековой Японии высвечиваются и объясняются реалии; совсем иначе выглядит переводной текст инструкции по употреблению чего-л., стремящийся максимально приблизиться к пользователю через реалии своей страны. М. Ивановски указывает: «На практике чем больше отличаются друг от друга языки в плане культуры, тем больше количество понятий, не имеющих достаточно точного соответствия в другом языке. Эти особенности проецируются и в ситуации, которые мы себе представляем на основе параллельных билингвальных текстов» [3. С. 47].

Основное внимание уделено в статье составлению обратных двуязычных словарей и в частности «Японско-польскому обратному словарю» [4], представляющему собой пухлый том повышенного формата, который М. Ивановски намерен еще более расширить. Предназначение обратных словарей достаточно широко – они могут служить поэтам для нахождения рифм, языковедам – для исследования строения разного рода названий, словообразовательной структуры слова, для выделения классов с аналогичной семантикой или грамматической функцией. Обратные словари относятся к типу специализированных словарей. Описание своего японско-польского словаря М. Ивановски дает на фоне истории японского языка, причин его территориальной дифференциации и особенностей взаимодействия с китайским языком. Процесс прочтения китайского текста фактически превращался в его перевод: «С начала японской государственности в зависимости от политической ситуации на континенте каждые несколько поколений менялось направление контактов, и таким образом, японцы воспринимали разные прочтения китайских слов или китайских знаков. Эти прочтения адаптировались к японской фонологической системе» [3. С. 36]. При этом «переплетение двух языков со столь разнящейся грамматической структурой было длительным процессом и заняло около тринадцати веков», а «ста-

рательное соби́рание разных китайских знаков и слов, усвоение китайских значений, придание китайским знакам японского способа прочтения (...) привело к частым случаям омофонии, омографии и омонимии, синонимии и графической и фонетической вариантности как на уровне морфем, так и слов» (Там же). Эти особенности японского языка, в котором одно и то же слово идентичного звучания может иметь более десяти совершенно разных значений, значительные отличия устной речи от письменного языка, представляют собой большую трудность для создателей словарей японского языка; они стали серьезным барьером и при создании М. Ивановским обратного японского-польского словаря, фрагменты которого даются в статье.

В статье *А.Н. Мещерякова* (Москва) «Японская природа в публицистическом дискурсе конца XIX – начале XX вв.» основное внимание уделяется формированию социального мифа, но здесь он ориентирован на природную, а не на языковую среду. А.Н. Мещеряков останавливается на отношении японцев к родной природе и связанной с природой символике. Благодаря тому, что Япония небогата природными ресурсами, она избежала участи колонизации иностранными державами. Описывается история познания Японии российскими исследователями и путешественниками, вклад в ее познание ботаников: К.И. Максимовича (1827–1891), коллекционера, описывавшего японскую флору и рассылавшего ее образцы в европейские научные центры, и А.Н. Краснова (1862–1914), основателя Батумского ботанического сада, много сделавшего для «разведения на Кавказе дальневосточных культур, прежде всего чая и хурмы» [8. С. 93].

После открытия Японии миру оказалось, что природа здесь не такая, как у других народов, а ее особая красота – живописность, многообразие растительного мира, красок, величественность – есть неподражаемая ценность японской нации. Благодаря протяженности по меридиану в Японии выступает большое разнообразие климатических зон. На международных выставках японцы издавна экспонировали предметы своего изящного искусства и образцы природно-растительного мира. Особенно сильное впечатление производили японские хризантемы – высокие и с тысячей цветков на одном стебле. Внимание к японской хризантеме (отмеченной главным призом на парижской выставке 1900 г.) было особенно значимым, так как хризантема является гербом императорского дома и символом долголетия (у японцев это «мужской» цветок, «символ бессмертных даосов-мужчин») [8. С. 92]. Императорский дом с 1880 г. устраивал ежегодные выставки хризантем, а с 1881 г. – еще и выставки сакур. В Европе символическая составляющая образа хризантемы была утрачена, здесь это просто красивый цветок; в то же время

образ Японии слился с этим цветком, запечатлевшись в глазах европейцев в виде страны хризантем. Гора Фудзи, другие вулканического происхождения горы правильной конусовидной формы, лес весной, полный цветущих деревьев, вызывали у иностранцев эстетическое чувство; однако эстетическое восприятие ими японской природы не сопровождалось знанием культурного фона, как отмечает А.Н. Мещеряков. Тем не менее открытие японской природы, сделанное иностранцами, было с радостью воспринято японцами как возвеличивающий Японию факт, повышающий их самооценку, и получило в Японии дальнейшее развитие. На страницах статьи А.Н. Мещерякова перекликаются описания японской природы и связанной с ней символики, прежде всего таких известных и читаемых авторов, как Сига Сигэтака (1863–1927), выпустившего в 1894 г. книгу «Японский ландшафт» («Нихон фукэй рон»), впоследствии многократно переизданную, и Утимура Кандзо (1861–1930), публициста, постоянного автора журнала «Нихондзин».

Сига Сигэтака, идеи которого «несут на себе отпечаток как японского (литературно-художественного), так и западного (научно-позитивистского) наследия» [8. С. 95], подчеркивает динамизм японской природы, заражающий энергией, а также развитость у японцев эстетического чувства. По мнению этого мыслителя, с одной стороны, в японской природе велика разрушающая сила – вулканы, с другой стороны – они же есть главный элемент эстетики японского пейзажа (нигде в мире нет такого количества вулканов, действующих и потухших) и силы японского национального характера. Горы, прежде всего вулканические, Сига Сигэтака воспекает как неотъемлемую часть культуры японского народа, как природный дар, а не как наказание, он призывает развивать горный туризм и любоваться открывающимися с высоты видами. И впоследствии, как отмечает А.Н. Мещеряков, горный туризм действительно получил в Японии большой размах. Гора Фудзи с ее снежной вершиной предстает в рассуждениях Сига Сигэтака как непревзойденный образец и символ Японии, а горы, напоминающие по форме Фудзи, он предлагает называть «малыми Фудзи». А.Н. Мещеряков обращает внимание на то, что у Сига Сигэтака описания морской природной среды, в которую погружена Япония, не столь красочны и не столь широко декорированы цитатами из произведений японских авторов, как описания суши. Он относит это на счет того, что к тому времени сам язык для описания моря еще не был выработан. Хотя Япония состоит из многих островов, Сига Сигэтака предпочитает именовать Японию материковым островом (*тайрику сима*), подчеркивая, что когда-то Япония была частью материка, впоследствии отделившейся, и называя ее не островной страной, а островной империей (*сима тэйкоку*). Эти дефини-

ции отразили факт, что «в глубине души японцы того времени горели поэтическим желанием избавиться от своей островной сущности...» [8. С. 108].

А.Н. Мещеряков отмечает, что в эпоху Токугава в Японии еще не было создано целостное географическое описание ее территории. Сига Сигэтака охватывает взглядом всю Японию, её крупные географические объекты, равнины, покрытые сосновыми рощами, и горы. Их описания высоко поэтичны и воодушевляющи. Сосне как исключительно жизнестойкому дереву уделяется особое внимание (в противовес так любимой японцами нежной сакуре): по количеству её видов, согласно Сига Сигэтака, у Японии мировое первенство, что в свою очередь влияет на формирование у ее граждан жизнеутверждающего и сильного характера [8. С. 99], «превращение сосны в символ японского характера придаст людям сил» [8. С. 108]. О фауне пишется мало, упоминается лишь о разнообразии птиц, насекомых и бабочек (внимание сосредоточено здесь на малых формах японской фауны, традиционно приоритетных в японской культуре). Сига Сигэтака, подчеркивая уникальность Японии, извлекает из истории свидетельства того, что в Китае, Корее и на Западе отсутствует сакура и возвещающая весну птичка *игусу* (камышёвка, называемая обычно в переводе на европейские языки соловьем).

А.Н. Мещеряков напоминает о концепте дальневосточной натурфилософии *ци* – японское *ки* – «энергии, пульсация которой обеспечивает все природные процессы» [8. С. 100], и рассказывает о его развитии на японской почве. Концепт *Ки*-энергии, будучи осмыслен с точки зрения современной науки, преобразовался в концепт *влажности*. И хотя японцы всегда сильно страдали от избытка влаги и ее экстремальных проявлений в виде ливней и тайфунов, в то же время в период Эдо для художественных произведений было характерно воспевание туманов, дымки и моросей. Частью поэтической картины мира Сига Сигэтака являются «пятицветные» облака, появляющиеся при рассветном и закатном солнечном свете, и нигде в мире таких облаков не бывает. Они приобретают ассоциативный фон и ранг «чудесных» облаков, которые в китайской и затем японской натурфилософии выступали как благоприятное знамение. Сига Сигэтака подчеркивал, что собирающиеся над Японией облака всегда центростремительны. При этом «тезис о «срединности» японского климата как доказательства «избранности» страны был общим местом в рассуждениях мыслителей эпохи Токугава» [8. С. 102]. В целом вся книга Сига Сигэтака обладает мощным эстетическим измерением. Он воспекает особое цветовидение у японцев, их способность различать значительно больше цветов и оттенков, чем иностранцы. Колористика и ее проекции в мир ценностей в целом занимают не-

малое место в эстетической картине Японии, которой отдал дань и Кодзима Усуи (1873–1948), известный японский литератор и альпинист, писавший, что белый цвет снежной шапки Фудзи «вбирает в себя весь возможный световой спектр (...). Фудзи является носителем всех возможных сверхценностей – справедливости, святости, чистоты, незапятнанности, совершенства...» [8. С. 109].

Сига Сигэтака своей задачей считал воодушевлять японцев, поддерживать их в чувстве национальной гордости. Для Сига Сигэтака «характерно совмещение научного и поэтического подходов» [8. С. 108], что обеспечивало книге особую убедительность и привлекательность для его сограждан. Это поэтическое мировидение тем не менее проявляло определенную тенденциозность, что отмечается А.Н. Мещеряковым. «Взгляд Сига обладал свойством избирательности, он видел только то, что хотели видеть его соотечественники» [8. С. 103]. Книга Сига Сигэтака стала противовесом вестернизации Японии, поддержкой в поисках истоков японской культуры, в сохранении японской национальной идентичности, но и могла служить побуждением к экспансионизму. Публицист Нитобэ Инадзо, писавший об особенностях островного характера японцев (*симагуни кандзё*) в работе от 1904 г., относил его особенности не к географии, а к истории, к «политике изоляционизма, проводившейся сёгунатом Токугава» [8. С. 111]. Однако вывод был созвучен с Сига Сигэтака в плане одобрения активного экспансионизма тогдашней Японии.

Поэтико-географический нарратив характерен и для сочинений Утимура Кандзо, который красоту Японии видел через «картографическую призму» – как помещенную на географическую карту или буддийскую мандалу. Он оживляет древнее сравнение Японии со стрекозой – *акидзу*, называя страну стрекоза-островом, ведь в очертаниях Японии он находит «соответствия ее частям в стрекозином теле, выгнутом в направлении Тихого океана» [8. С. 93]. В облике Японии Утимура Кандзо видит очертания Небесной девы (*тэндзё/тэннё*), «сверхъестественного существа буддийско-даосского пантеона» [Там же]. Пафос произведений Утимура Кандзо заключается в том, что «в Японии всё есть» – в Европе и в США нет ничего такого, чего не было бы в Японии. Так, Япония представлялась ему азиатской Грецией. При том, что «Греция – это «малая Европа», следовательно, и Японию тоже можно считать «малой Европой» [8. С. 96]. Внутреннее Японское море вызывает у него ассоциации со Средиземным морем, остров Садо предстает как Скандинавский полуостров, а Исландия соотносится с островом Такэсима. Таким образом, европейским странам и морям Утимура Кандзо находит японские ассоциативно-символические соответствия, проеци-

руя их на территорию Японии, устанавливая между ними семиотические параллели. Получается, что части японского ландшафта в его «картографической картине мира» символизируют страны Европы. «Люди, подобные Утимура, желали, чтобы Япония скорректировала свою исконную идентичность, добавив в нее западную составляющую – путем нахождения соответствий в географии Европы и Японии» [8. С. 97]. У Утимура Кандзо Европа и Япония даны во взаимосвязях, Сига Сигэтакэ же акцентирует уникальность Японии. Японская природа предстает у последнего как национальная идея, и эта идея вызвала больший отклик, чем построения Утимура Кандзо.

Статья К. Мончин (Познань) «Преподавание иностранных языков в Японии» представляет собой обширный трактат по проблемам обучения иностранным языкам в Японии, представленный на фоне языковой ситуации в этой стране. К. Мончин указывает, что большинство японцев глобализацию и интернационализацию связывают с английским языком, который имеет статус первого иностранного языка и обязателен для изучения в гимназиях и лицеях. Благодаря высокому международному статусу английский язык порой считается единственно значимым иностранным языком, а страны, говорящие на других языках, подчеркивает К. Мончин, начинают занимать подчиненное положение в отношении англоязычных стран, ощущая свою меньшую значимость. Усвоение иностранного языка рассматривается ею как эмпирическая деятельность, не зависящая от степени ее осознания человеком и в то же время как такая сфера интеллектуальной деятельности, которая есть неделимая часть культуры. К. Мончин полагает, что западная модель значительно повлияла на обучение в Японии иностранным языкам, которые в качестве обязательного предмета появились здесь в 1872 г. Это были английский, немецкий, французский, русский, китайский, корейский и латынь; преподавание велось в основном в гимназиях и лицеях. В других типах школ иностранный язык давался как необязательный, как предмет по выбору. Движение «Цивилизация и Просвещение» (*Бунмэй Кайка*) завоевало популярность одновременно с Реставрацией Мэйдзи. Это движение стремилось к внедрению западной технологической мысли, стиля жизни и образования, в связи с чем открывались школы, ориентированные на западные образцы обучения. В 1858 г. Фукудзава Юкити открыл в Эдо частную школу по изучению голландского языка, которая со временем преобразовалась в школу английского языка. Преподавание иностранных языков разрасталось и постепенно распространилось на музыкальные школы и школы искусств, школы для девушек по воспитанию скромных дам. Его целью среди прочего было расширить «понимание каждодневной жизни и образа мышления иностран-

цев» (с. 124). В раннюю эпоху Мэйдзи обучение английскому языку способствовало модернизации страны и внедрению западной цивилизации; в отношении изучения языков в целом настрой был положительным. Характерно, что учебники были родом из Америки, а грамматика подавалась в американском варианте английского. В этих учебниках в качестве передовых стран указывались Америка, Англия, Франция и Германия, а Япония и Китай фигурировали среди не вполне цивилизованных стран. В 1871 г., в эпоху Мэйдзи, в Японии было основано первое Министерство образования, которое занялось организацией учебы студентов за рубежом. Первая такая группа студентов выехала в Америку в 1871 г., а по возвращении учащиеся сами стали обучать японцев английскому языку. Комитет по вопросам реформы образования (*Риндзи Кёуику сингаikai*) популяризировал изучение иностранных языков, особенно английского, «чтобы японцы могли представить в мире свою точку зрения, не теряя в то же время своей самоидентичности» [9. С. 125]. В эпоху Тайсё стало появляться всё больше учебников английского языка, написанных японцами и нацеленных в первую очередь на обучение чтению и переводу, что было связано с подготовкой к экзаменам в учебные заведения. Этим занимались, в частности, специальные школы, так называемые *Юку*. В учебниках содержались демократические идеи; их содержание было связано с культурой Англии и Америки, но отражались и универсальные темы – театр, спорт и др., а также авиация и фотография. В 1922 г. Ногуты Энтаро, Саваянаги Масатаро, Симонака Ясабуру и Харада Минору основали Общество международного образования, которое принимало активное участие в проходившей в 1923 г. в Сан-Франциско международной конференции по вопросам образования. В довоенный период в Японии идеи международного образования рассматривались как не противоречащие ее интересам. В конце периода Тайсё и начале периода Сёва интерес к английскому языку усилился, появилось много учебников живого языка, языковой коммуникации. Важной вехой стало приглашение в Японию в 1922 г. Харольда И. Палмера на должность Советника по вопросам обучения английскому языку. В 1923 г. им был основан Институт исследований по обучению английскому языку – IRFT. Однако не всё в этом плане шло гладко, в обществе распространялась идея отказаться от обучения английскому языку в школе. Сложилось мнение, что английский язык не помогает, а мешает изучению других предметов, в результате он утратил свой высокий статус. Учебники английского языка были монополизированы Х. Палмером, их содержание подвергалось критике, в то же время внедрение в учебный процесс разговорного языка оказало влияние на последующее обучение. Во время второй мировой войны

изучение английского языка продолжалось в военных учебных заведениях, но почти полностью исчезло из государственных школ. «Целью изучения иностранного языка было понимание чужой культуры ради осознания своей самоидентичности» [9. С. 126].

После Второй мировой войны Япония направила силы на экономический успех и поиск нового места в мире. Начавшаяся реформа образования была направлена на пересмотр всей системы. Ее элементами были интернационализация, развитие торговых отношений с США, адаптация японцев к жизни в международном сообществе путем студенческого обмена. В то же время больше внимания планировалось уделять обучению японскому как иностранному, а также обучению японских детей, находящихся за рубежом (также и по их возвращении на родину). После войны английский язык вернулся в старшие классы школы. В учебниках уже учитывалась такая функциональная разновидность, как разговорный язык. Интерес к изучению английского языка усиливался благодаря радиопередачам с разговорной речью. Число учебных центров по преподаванию английского языка росло, но не хватало квалифицированных учителей. Рос интерес к новым методам обучения – аудиолингвальному и коммуникативному. Языковая коммуникация стала учебной дисциплиной, появились иностранные лекторы в роли ассистентов при учителях английского языка. В настоящее время цикл обучения английскому языку в школе составляет в среднем 8-9 лет.

В разделе статьи «Нихондзинрон, Кокусайка и иностранные языки» К. Мончин разъясняет суть вышеназванных японских понятий. Понятие *нихондзинрон* (буквально *теория японскости: *нихондзин* означает ‘японец’, а *рон* – ‘теория’) стало популярным в Японии 1960–70-х гг. в период бурного экономического роста. В этом термине акцентируется уникальность, исключительность японцев по сравнению с Западом. У него имеются терминологические аналоги: *нихонбункарон* ‘теория японской культуры’, *нихон сякайрон* ‘теория японского общества’ и *нихонрон* ‘теория японскости’. Термин *нихондзинрон* появился как защитная реакция на вестернизацию и индустриализацию после второй мировой войны и как результат опасений перед утратой самоидентичности; *нихондзинрон* можно трактовать как своего рода механизм торможения в изучении иностранных языков. Понятие *нихондзинрон* является постоянным средоточием дискуссий в СМИ и книгах, осциллирующих вокруг самобытности японской культуры; путем опросов выявляется отношение к нему японцев. В 80-е гг. для японских ученых, политиков и журналистов исключительно важен стал термин *кокусайка* (*кокусай* значит ‘международный’, ‘интернациональный’, а суффикс *-ка* означает ‘дей-

ствие' или 'изменение'), служивший, в частности, продвижению изучения иностранных языков. Появившись в 1920 г., он распространился к 60-м гг. Будучи ориентирован на контакты Японии с зарубежными партнерами, этот термин и связанное с ним понятие стал одним из столпов современной системы образования, хотя идея интернационализации вызывала у японцев ощущение ущерба интересам Японии. В настоящее время в японском языке чаще в ходу понятие глобализации – *гуроба-ридзэсён/гуробарука* и мультикультурного сосуществования – *табунка кёсэй*. *Нихондзинрон* и *кокусайка* – это понятия-лозунги, касающиеся исключительно Запада и никак не связанные с азиатскими странами.

В разделе «Программа JET» К. Мончин рассказывает о программе «The Japan Exchange and Teaching Programme», действующей с 1987 г. и ориентированной на достижение взаимопонимания между японцами и гражданами других стран. Ее суть состоит в обучении японских школьников иностранным языкам и физической культуре выпускниками вузов из Америки, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии, Канады, Франции и Германии. JET быстро набирает обороты, превратившись в крупнейшую программу культурного обмена. Приглашенные специалисты по физвоспитанию являются профессиональными спортсменами и организаторами спортивных встреч. Специалисты-ассистенты (ALT: Assistant Language Teacher) помогают учителям в занятиях по английскому (JTE) или другому иностранному языку (JTL). В Японии такие занятия приобрели широкий общественный резонанс: обсуждаются разные проблемные комплексы, например, отношение школьников к занятиям с выпускниками зарубежных вузов, отношения на линии *зарубежный ассистент – местный учитель*, в прессе публикуются комментарии по поводу функционирования программы. В пользу программы говорит развитие навыков коммуникации на месте, что дешевле, чем отправлять школьников на обучение за рубеж. Особый раздел посвящен CLT – коммуникативному методу обучения языку на основе языковой практики. Несмотря на зеленый свет для коммуникативных методов, традиционный метод *якудоку* – с упором на обучение грамматике, применяется по-прежнему, что связано с программой вступительных экзаменов. Реформа Министерства образования предполагает распределение учебных часов на занятия по грамматике и выработке коммуникативных компетенций на симулятивно-ситуативной основе. Однако программа вступительных экзаменов в учебные заведения выступает как барьер для развития навыков коммуникации, а администрацией школ именно она ставится во главу угла. Подчеркивается разрыв между целями и методами, а также их пониманием учителями, воспитанными на методе *якудоку* (не предполагающем проведения коммуни-

кативно ориентированных занятий). Популярна тестовая система, потому что хорошие результаты тестов помогают попасть в престижный вуз или найти хорошую работу. Повышение квалификации учителей осуществляется через стажировки за рубежом (полугодичные или годовые) или краткосрочные курсы на местах.

О современном японском обществе К. Мончин говорит как о многоязычном, имея в виду не столько меньшинства айну и рюкю, сколько проживание в Японии большого количества иностранцев. Освещая вопрос преподавания китайского и корейского языков, она подчеркивает, что понятия интернационализации и глобализации японцы относят фактически только к англоязычным странам. Вместе с тем большинство из более двух миллионов иностранцев, проживающих в Японии – это выходцы из стран Азии (Китай, Кореи и Филиппин: 1,5 млн) и Южной Америки (250 тыс.). Хотя считается, что в Японии наиболее популярны европейские языки, отмечается возрастающий интерес к языкам Азии. Китайский язык является вторым, а корейский – третьим по популярности после английского.

Обучение китайскому языку ведется с эпохи Эдо (1603–1868); в основном он преподается на факультетах иностранных языков и международных отношений, а также в спецгруппах. Статистика такова: из приезжающих в Японию туристов 40% составляют приезжие из синоязычных стран, 60% всех зарубежных студентов в Японии – это китайцы, из ок. 600 тыс. работающих в Японии иностранцев китайцы составляют 44,2%. Возможность каждодневного контакта с китайским языком по месту работы повышает мотивацию к его изучению. Объективные трудности обучения проистекают из региональной дифференциации китайского языка, расхождений между языком устным и письменным. Констатируется отсутствие единой идеи преподавания китайского языка.

Обучение корейскому языку «отражает картину того, как выглядят японо-корейские отношения» [9. С. 138]: развитие отношений с Кореей повысило интерес к изучению корейского языка. Термин *канрю* / *халлю* (впервые появившийся в китайской прессе) буквально означает *корейская волна* и подразумевает моду в странах Азии на корейскую поп-культуру: телесериалы, кинофильмы, игры, анимацию и музыку. Потеплению способствовал и ряд спортивных мероприятий, проводившихся в Корее и Японии. *Канрю* способствует популяризации корейского языка как иностранного, так как молодежь хочет общаться со своими идолами на родном для них языке. Телевидение NHK ведет передачи по изучению корейского языка – *кангуру коза*. С недавнего времени корейский язык стал вторым по популярности из вторых иностранных языков, а учебники корейского языка занимают по продажам второе место после

английского. Изучение корейского языка поддерживалось в основном существованием в университетах корейской филологии; лишь с недавнего времени корейский язык стал преподаваться в гимназиях, школах полиции, пожарных и морской безопасности. После 1990 г. количество школ с возможностью изучения корейского языка возросло двоекратно. В обучении корейскому языку первенствует так называемый метод *learner centered instruction* – когда учащийся сам влияет на стиль обучения, его содержание, материалы и темпы. Корейские телепрограммы создают условия для применения мультимедийных материалов. Разработаны интенсивные курсы: *танки сютю коудза*, часто организуемые во время каникул. Обучение корейскому языку имеет разные названия: *тёсэнго*, *канкокуго*, *тёсэн ханто*. Все организации, общества, занимающиеся исследованием корейского языка, имеют в названии элемент *тёсэн*, напр., *тёсэнго кэнкюкай*, *тёсэн гаккай*. Однако сторонники названия *канкокуго* утверждают, что элемент *тёсэн* содержит в своей семантике некий нюанс, который может быть воспринят как дискриминация. Из-за разнобоя в названиях используются альтернативные названия: *хангуруго* (от названия корейского алфавита *хангул*) или *кориаго* (от англ. Korea).

Изучение немецкого и французского языков рассматривалось в свое время как важный инструмент обмена информацией. Немецкий язык является одним из доступных в Японии языков. В тот период, когда Япония открывала свои границы, немецкий язык рассматривался как язык страны, превосходящей Японию в таких областях, как медицина, военное дело и технология, в связи с чем, к примеру, в медицине осталось немало терминов немецкого происхождения.

Методы преподавания европейских языков всегда увязывались с целями обучения. Важнейшим умением считалось чтение ради понимания и перевода книг, поэтому в ходу был грамматико-переводной метод, актуальный и по сей день. Однако в XXI веке изменилось как японское общество, так и система образования. Прекратились интенсивные исследования над немецкой технологией и юриспруденцией, поэтому грамматико-трансляционные методы стали утрачивать актуальность, а в эпоху туризма стали востребованы методы практического освоения языка; в цене сейчас метод обучения языку через его контент (*content based language learning*). Немецкий язык имеет статус языка науки, политики и экономики. Однако многие учащиеся выбирают его потому, что им нравится образ Германии периода романтизма и немецкие сказки. Изучение немецкого языка в Японии связано с целым рядом проблем. Немецкоязычные страны крайне далеки от Японии в географическом, культурном и политическом отношении; при приеме на работу

знание немецкого языка не требуется, а значит, нет и конкретной мотивации к его изучению.

Что касается изучения французского языка, по мнению учащихся, за два года его всё равно невозможно выучить (учитывая шестилетний опыт изучения английского языка, на котором в итоге они не могут ни говорить, ни удовлетворительно писать). Студентам хочется, чтобы в программе по французскому языку было больше коммуникации, культуры, туризма, мультимедийных средств обучения. В связи с активизацией контактов между Японией и Францией уже недостаточно только читать и понимать, нужно уметь высказывать свое мнение как устно, так и на письме.

Обучение в Японии испанскому языку ведется с конца XIX века. К. Мончин отмечает низкое на данный момент качество учебных материалов, недостаточность информации из области культуры, истории и обычаев испаноязычных стран. В целом К. Мончин отмечает уменьшение интереса к изучению таких языков, как немецкий и французский, которые в университетах имеют сейчас статус языков по выбору или вообще исчезают. С другой стороны, формируется большая вариантность выбора: например, добавляется возможность изучения испанского и русского языков.

Хотя тема интернационализации в Японии актуальна, ощутимы и проявления заботы о собственной национальной идентичности. Но «изучение европейских языков ассоциируется с расширением горизонтов, с ознакомлением с западным интеллектуализмом» [9. С. 150]. Японские учащиеся проявляют большую экзаменационную активность, так как сертификат о знании языка важен при поисках работы: обладающие им сотрудники могут привнести в имидж фирмы штрих интернациональности.

В статье *А. Яворек* (Познань) «Биоэтика в японских религиозных доктринах» указывается, что биоэтика как научная дисциплина занимается «исключительно противоречивыми областями этики, вытекающими из технологического прогресса медицины и биологии» [5. С. 157]. Задача этой дисциплины – «отвечать на этические вопросы из области естественных наук, биотехнологии, медицины, политики, права и философии» [Там же]. *А. Яворска* полагает, что особое отношение японцев к смерти, их государственный коллективизм заслуживают внимания биоэтики. В плоскости этических проблем, проистекающих из исповедуемой человеком религии, Япония также занимает особое место: иногда люди здесь исповедуют одновременно не одну религию: «Так, например, исповедуя буддизм, они также исполняют синтоистские обряды» [5. С. 162].

Я. Северски (Варшава) в статье «Общинность в японских промышленных системах» обращается к понятию общинности (общины) и объединения (ассоциации), рассматривая их как ключевые типы межчеловеческих связей, пребывающие в оппозиции друг другу. Он указывает на примат общества над личностью в общине (семья, цех, гильдия, братство, монастырь...) и примат личности над целым в объединении/ассоциации (политическая партия, профсоюз, современное предприятие...). Через призму этих двух типов сообществ он анализирует промышленные системы Японии на фоне других восточноазиатских экономик и в противопоставлении таковым на Западе. Я. Северски указывает, что в ареалах распространения конфуцианской культуры не было религии, которую можно было бы сравнить с христианством, иудаизмом и исламом и не было базы для формирования религиозных сообществ, противостоящих общинам, строящимся на родственных связях. На фоне традиционного китайского мироустройства Я. Северски выделяет характерные черты японского общественного порядка, среди которых: 1) специфика японских семейных отношений, предопределяемых в большой мере структурой трудовых коллективов, необязательно родственными узами; приоритет коллективной жизни перед семейной, личного перед общественным; 2) дух сотрудничества, кооперации усилий, сформировавшийся на почве традиционной культуры возделывания риса и перенесенный на отношения сотрудника с его фирмой (*кайся*); 3) сохранение феодальных ценностей, таких, как верность, лояльность, честь, верность вассала сюзерену (схожих с присущими когда-то Западу); сила вертикальной связи, объединяющей господина (*даймио*) и вассала (*самурая*), и духа кодекса самурая *бусидо*, требующего самоотвержения во благо господина и общих интересов; 4) установление института верховной власти в виде *сёгуната*; 5) сохранение харизмы императорского рода; правление одной династии более 2,5 тыс. лет; 6) установление синтоизма как государственной религии (в период секуляризации на Западе); 7) сильные вертикальные взаимозависимости (верность самурая своему господину подобно тому, как сейчас – сотрудник работодателю); 8) принцип наслаивания новых элементов на старые без отмены старых (на Западе же старое заменяется новым); 9) учет трудового стажа в системе заработной платы и пожизненная занятость как награда за лояльность и сплоченность в коллективе: «принимают на работу не сотрудника, а человека с его личностью, а не только квалификацией» [11. С. 182].

Я. Северски подчеркивает, что «доля современных образцов жизни в современном обществе – вопрос открытый в том смысле, что разные традиции могут совмещаться с современностью, более того, будучи

внедрены в современные институты, могут их ускорять» [11. С. 189]. Современная технология не уничтожила традиционных культурных образцов и общины в странах Восточной Азии. Он обращает внимание на то, что в восточноазиатских экономиках действует принцип примата национальной экономики над интересами владельцев фирм. Этот принцип поддерживается конфуцианской философией примата целого над частью во имя достижения гармонии, что позволяет осуществлять долгосрочную стратегию расширения своей доли на рынке. Я. Северски подчеркивает, что конфуцианская культура способна ответить на вызовы современной экономики. С перспективы Запада развитие обеспечивается освобождением личности от зависимости от общины. Конфуцианство же зиждется как раз на положениях, противоречащих европейскому духу. Конфуцианской традиции чужда «западная подозрительность в отношении любого правительства (...). Попытка контроля правительства гражданами воспринимается как угроза авторитету власти» [11. С. 196].

В статье *Я. Макарова* (Москва – Токио) «Переосмысливая предпосылки: может ли сотрудничество в энергетическом секторе служить основанием для заключения мирного договора между Россией и Японией» [7] описываются возможности конструктивного партнерства, сотрудничества и кооперации России и Японии в энергетической сфере, представляется энергетическая стратегия Японии в новейшей истории и в данный промежуток времени.

Таким образом, авторы рецензируемого сборника, представив широкий спектр филологических проблем междисциплинарного свойства, вышли на весьма оригинальный сюжет филологической характеристики, а именно: рассмотрели филологию как регулятивную идею в смежных гуманитарных дисциплинах. Более того, на примере «мифологического» японского языка авторам сборника удалось продемонстрировать, как в условиях глобальных изменений и взаимовлияний в мире развитый язык сохраняет свою исконную суть, оставаясь в конечном итоге негибачаемым *Ding an sich*. Столь суггестивные выводы авторов сборника вполне возможно экстраполировать и на другие современные развитые языки, предполагая, что языковое взаимодействие приводит исключительно к филологическому обогащению социумов во многих сферах интеллектуальной жизни общества.

Литература / References

1. *Алпатов В.М.* Что такое картины мира и как до них добраться? // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Редкол.: В.А. Плунгян и др. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 11–21.

2. *Alpatov V.* On Japanese linguistic myths // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – P. 7–14.
3. *Iwanowski M.* Ku atergologii japońsko-polskiej // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – S. 27–85.
4. *Iwanowski M.* Atergownik japońsko-polski. – Warszawa: BEL Studio, 2014. – 413 s.
5. *Jaworek A.* Bioetyka w japońskich doktrynach religijnych // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – S. 155–163.
6. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Японистика в славянском контексте // *Вестник Московского университета. Сер. 22, Теория перевода*. – 2015. – № 1. – С. 120–135.
7. *Makarov Y.* Rethinking the prerequisites: can the cooperation in the energy sector serve as a foundation for the peace treaty between Russia and Japan? // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – P. 203–225.
8. *Мецгеряков А.Н.* Японская природа в публицистическом дискурсе конца XIX – начале XX вв. // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – С. 87–111.
9. *Монczyn K.* Edukacja języków obcych w Japonii // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – S. 113–153.
10. *Пономарчук С.Н., Чайковский Р.Р.* Японский язык: уникальность и открытость (к проблеме китайского влияния) // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – С. 15–26.
11. *Siewierski J.* Wspólnota w japońskim systemie przemysłowym // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Jan Wawrzyńczyk*. – Warszawa: BEL Studio, 2015. – Vol. II. – S. 165–202.

АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФОРЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Лю Сяо (КНР)

ENGLISH METAPHORS WITH THE COMPONENT “LOVE”

Liu Xiao (PRC)

ABSTRACT

The article attempts to analyse British cognitive metaphors with the component “Love” from the point of view of Chinese linguoculture with the help of traditional five-element theory of Chinese philosophy Wǔ Xíng.

Key words: Wǔ Xíng, cognitive metaphor, British linguoculture

В статье предпринята попытка рассмотреть британскую когнитивную метафору с компонентом «Любовь» сквозь призму китайской лингвокультуры, базирующейся на учении о пяти первоэлементах У-син (*wǔ xíng*; 五行), а также Инь-Ян (*yīn yáng*; трад. 陰陽, упр. 阴阳).

Ключевые слова: У-син, Инь-Ян; когнитивная метафора, британская лингвокультура

Исследования метафоры как способа познания национального характера занимают значительное место в современной лингвистике и продолжают оставаться перспективными. В качестве материала для нашего исследования были выбраны художественные тексты, безусловно участвующие в создании лингвокультурного контекста современного британского общества, – любовная лирическая поэзия от Уильяма Шекспира и Джона Донна до Джессики Уитон и Сандры Огике. Объектом исследования стали британская лингвокультура, предметом же – являются концептуальные метафоры с элементом «любовь» в британском художественном тексте.

Избранный нами подход к объекту исследования основывается на признании креативно-познавательных потенциалов метафоры, который позволяет выявить познавательные возможности языковой метафоры в связи с различными условиями общения. Среди факторов, оказывающих влияние на процесс метафоризации, рассматриваются не только языковая компетенция и объективное знание мира говорящим, но также индивидуальный опыт говорящего и опыт языкового коллектива, запе-

чатленный в семантике слов и их коннотациях. Это непосредственно связано и с одной из актуальных проблем современной лингвистики – построением антропометричной картины мира и способов ее фиксации в языковых знаках.

В соответствии с характером поставленных задач в ходе исследования использовались методы контекстуального анализа, компонентного анализа и экстралингвистической интерпретации фактов языка, а также метод контрастного анализа метафор, функционирующих в рамках двух лингвокультур.

Интерес к метафоре породил целое направление в современном научном поиске – когнитивные исследования. Благодаря метафорам мы можем сопоставлять несопоставимое, именно с метафорического переноса возникают новые значения и их оттенки, новые термины и новые понятия. В отличие от прочих рассматриваемых в литературоведческих исследованиях поэтических тропов и фигур, метафора универсальна, так что может быть использована практически в любой сфере – в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в художественном воспитании и в квантовой механике.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своем научном бестселлере «Метафоры, которыми мы живем» убедительно обосновали роль когнитивной метафоры в самом процессе человеческого познания, см. [Лакофф, Джонсон 2004]. В соответствии с их концепцией, явление метафоризации основано на таком взаимодействии когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain), при котором определенные области цели структурируются (либо переструктурируются) по образцу, взятому из источника. Иначе говоря, происходит метафорическое (= когнитивное) картирование (= проекция) уже виртуальной действительности. Область источника оказывается своего рода обобщением опыта практической жизни человека в виде относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводимых в процессе названной практической жизни.

Трудно переоценить важность появления в 1988 году сборника «Метафора в языке и тексте» под редакцией В.Н. Телия ([Метафора 1988]), а в 1990 году – сборника «Теория метафоры» ([Теория метафоры 1990]) под редакцией Н.Д. Арутюновой, вышедшего с предисловием Н.Д. Арутюновой и комментариями М.А. Кронгауза, куда вошли переводы ставших классическими работ Э. Кассирера, А. Ричардса, Х. Ортеги-и-Гассета, Ф. Уилрайта, Р. Якобсона, А. Вежбицкой, М. Блэка, Д. Дэвидсона, Н. Гудмена, М. Бирдсли, Э. Ортони, Дж. Миллера, Д. Бикертонна, Дж. Серля, С. Левина, Э. МакКормака, Д. Лакоффа и М. Джонсона, П. Рикёра, Т. Добжиньской. Событием в отечественной когнитивистике стало и появление таких ценнейших спра-

вочных материалов, как «Краткий словарь когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой ([Кубрякова... 1996]), «Очерки по когнитивной лингвистике» З.Д. Поповой и И.А. Стернина ([Попова, Стернин 2001]), «Словарь русских политических метафор» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова ([Баранов, Караулов 1994]).

Исследования метафоры в когнитивном аспекте успешно ведутся на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В этой связи отметим написанные и защищенные под руководством О.В. Александровой диссертации М.А. Бурмистровой ([Бурмистрова 2005]) и Ю.И. Клименовой ([Клименова 2010]), защищенные под руководством Н.Б. Гвишиани диссертации Т.А. Подколзиной ([Подколзина 1994]) и О.Ю. Буйновой ([Буйнова 1998]), защищенные под руководством В.Я. Задорновой диссертации И.В. Световидовой ([Световидова 2000]) и С.А.С. Шахбаза ([Шахбаз 2010]), а также защищенную под руководством Л.Л. Барановой диссертацию Н.О. Празян ([Празян 2011]), серию публикаций по проблемам метафоры и идиоматической фразеологии А.А. Изотовой, ср. [Изотова 2011 а], [Изотова 2011 б], [Изотова 2012], [Изотова 2014]. Весьма ценными для нас были наблюдения, сделанные в посвященной фигурам сравнения в функциональном освещении монографии С.К. Гаспарян, успешно продолжающей традицию «филологии многоязычия», плодотворно развиваемую англистами МГУ имени М.В. Ломоносова. Как убедительно показано в исследовании, «сопоставительное изучение помогает выявить те языковые элементы, роль которых незаменима в создании эстетического эффекта» [Гаспарян 2013]. Новую эпоху в изучении когнитивных метафор открыла так называемая «корпусная революция», см., например, [Изотов 2010], [Изотова 2014].

Настоящая статья тематически продолжает нашу статью [Лю Сяо 2015 а], в которой мы попытались применить при анализе метафоры древнекитайское учение о пяти первоэлементах У-син (*wǔ xíng*, 五行) – одну из основных категорий китайской философии, определяющую основные параметры мироздания, ср. [Дун Чжуншу 1990], а также наши статьи [Лю Сяо 2014], [Лю Сяо 2015 б], [Лю Сяо 2015 в]. В то же самое время она представляет собой попытку с позиций носителя китайской лингвокультуры рассмотреть проблему, которая уже решалась в русско-английском сопоставительном плане [Шахбаз 2009].

Анализ метафор с компонентом «Любовь» производился на основе массива более чем из 200 стихотворений британских авторов.

В британской лингвокультуре любовь может быть похищением и спасением, опасностью и лекарством, бурей и родником, водой и воздухом, тем, что объединяет, и тем, что разъединяет, волшебством и повсе-

дневностью, распутившимся цветком и завязавшимся бутонem и еще многим другим.

На последующих страницах мы рассмотрим английские концептуальные метафоры с компонентом «любовь». Нам представляется оправданным распределить их по следующим группам:

3.1. Любовь – единение

Объединенные в данном разделе стихотворения рассматривают любовь в двух аспектах: 1) абстрактную любовь ко всему сущему, 2) романтическую любовь между мужчиной и женщиной.

Абстрактная любовь ко всему сущему

Как нам представляется, наиболее ярко абстрактная любовь ко всему сущему явлена в начале известного стихотворения Джона Донна «По ком звонит колокол» (*For whom the bell tolls*), ср.:

No man is an island, / Entire of itself. / Each is a piece of the continent, / A part of the main.

Каждый из нас – часть целого, каждый связан с каждым. Мы должны любить каждого человека независимо от его пола, расовой или этнической принадлежности, социального положения или характера, потому что он – часть нас. В соответствии с концепцией У-син, Земля – универсальный символ всего родного. Мы должны любить и саму землю, как нашу общую мать.

Романтическая любовь между мужчиной и женщиной

Романтическая любовь между мужчиной и женщиной может выступать как варианты единения, представленные Джоном Донном в метафорической форме в стихотворении «Блоха», ср.:

Mark but this flea, and mark in this, / How little that which thou deny'st me is; / It sucked me first, and now sucks thee, / And in this flea our two bloods mingled be; / Thou know'st that this cannot be said / A sin, nor shame, nor loss of maidenhead; / Yet this enjoys before it woo, / And pampered swells with one blood made of two, / And this, alas, is more than we would do. (The Flea)

3.2. Любовь – время

Концептуальная сфера времени, как и концептуальная сфера любви, не может быть описана без обращения к метафорам. В рассмотренных далее примерах любовь может соотноситься с вечностью (*love is eter-*

nal), а может быть мгновенной, мимолётной (*love happens at one moment*).

Любовь – вечность

Связь концептуальной сферы любви и концептуальной сферы вечности наиболее ярко проявляется в стихотворении Джона Донна, ср.:

Love, all alike, no season knows, nor clime, / Nor hours, days, months, which are the rags of time. / And what is love, but forever, / Eternal and sincere, / A flame that through wax and wane / Will outlive life's brief years? (The Sun Rising)

Любовь – остановленное мгновение

В стихах Джессики Уитон любовь предстает как остановленное мгновение, ср.:

When you came to your door tonight, / And your beautiful eyes gazed at me / From the darkness within, / The world around me came to a stop. (When I Saw Your Eyes)

3.3. Любовь – опасность

Метафорическое осмысление концептуальной сферы любви приводит нередко к парадоксальным утверждениям: любовь способна создавать ощущение безопасности, однако она же может стать опасностью сама по себе, ведь как мы знаем из фольклора самых разных народов, обладание дорогим сокровищем почти всегда сопряжено со смертельной опасностью.

Любовь как западня

Для лирического героя сонета У. Шекспира, любовь – это западня, из которой он не хочет быть спасенным, ср.:

Being Your Slave, What Should I Do But Tend / Being your slave, what should I do but tend / Upon the hours and times of your desire? / So true a fool is love that in your will, / Though you do any thing, he thinks no ill. (Sonnet 057)

Любовь как паутина/ткань

Паутина любви ограничивает движения попавшего в неё, но это пленение отнюдь не тягостно, ср., например:

You're all / That I was dreaming of / For the web you spun / Was made of love (Sherri Deskins. The Web)

Любовь как кинжал

Любовь, как и острый кинжал, способна проникать в самую глубину нашего сердца. Любовные раны могут быть так же мучительны, как и раны, наносимые холодным оружием. Наконец, и то, и другое способно оставлять после себя неизгладимые следы, ср. фрагмент стихотворения «Любовь всей моей жизни» Кристофера Дж. Хилла:

A passion that penetrates / As deep as a knife. (The Love of My life)

3.4. Любовь как защита

Любовь как крыша дома

Для лирического героя стихотворения Дэвида Г. Келли любовь его избранницы – самый надежный в мире кров, ср.:

And yes you always speak to me, / In sweet honesty and truth / Your caring heart keeps out the rain, / YOUR LOVE, the ultimate roof. (A Spark of Light)

Крыша родного дома не только надежно спасает от непогоды, она становится символом защиты от окружающего мира и внешних тревог.

Любовь как щит

Лирический герой стихотворения Кэрол Стэшер и Джима Формана видит в любви то, что может защитить, то есть закрыть щитом его от сердечной тоски и горя, ср.:

Sweet Lady, song of my heart, / Hold my hand, as this journey we start. / Lift me up in spirit of joy and gladness; / And shield my soul from heartbreak and sadness. / Steadfast, honest and true; / Your partner is here and will forever love you. (Our Sonnet)

Любовь как укрытие

Развивая приведенную в предыдущем параграфе метафору, Кэрол Стэшер и Джим Форман соотносят любовь с укрытием, способным не просто защитить, но создать небывалый комфорт, ср.:

It is my prayer that I will always be; / The one who brings you joy and sets your spirit free. / With my love I'll cover you and warm your soul with mine; / Give you pleasures – like none you will find. / That there is no better future than with you to grow old. (Our Sonnet)

Любовь как целитель

В стихотворении Марка Ливренса мы встречаем образ любви-целителя, который умиряет боль и заставляет сердце снова биться, ср.:

I love you for your gentle hands, / That melt away my pain. / I love you for your loving heart, / That made mine beat again. (Every Second Beat)

Любовь как освобождение

В стихотворении Дженни Филлипс мы находим образ любви, освобождающей лирического героя от тревог и проблем окружающей действительности, ср.:

When you have someone... / the one that you've dreamed of... / then your life becomes the escape you both take / to get away from the reality that surrounds. (My Everlasting Love)

3.5. Любовь как свет

Любовь – это и яркий солнечный свет, и сверкание звезд в ночном небе. Эти и подобные метафоры основаны на перекрывании концептуальной сферы любви и концептуальной сферы света.

Любовь как маяк

Для лирического героя стихотворения М. Дюбуа любовь – это маяк для сбившегося с пути сердца, ср.:

What is love, but a beacon, / To guide the wayward heart, / A blazing light upon the shoals / That dash cherished dreams apart? (Love Defined)

Любовь как звезда

Путеводной звездой становится любовь для лирического героя стихотворения в прозе Джона Рейни, ср:

But fortunately you are there, / my guiding star in the night sky. / Shining bright, clear and strong, / showing me the way with a love / that stretches from heaven to the ends of creation. (My One And Only Love)

Любовь как пламя

Пламя – горячее, яркое и яростное. Все эти три качества могут быть свойственны любви, так что пересечение рассматриваемых концептуальных сфер вполне естественно, ср.:

But then my heart begun to burn / For love and passion to return / Gone are the darkness and the cold / My heart so open and so bold / To burn so hot, so bright, so true / To burn with love, my love for you. (Craig Hardy. Cold No More)

Любовь как солнечный свет

Для лирического героя стихотворения Ахмеда Захры его любовь становится самым солнечным светом, ср:

You are my sunshine, my life, my very soul / And I your rose blooming in the light of your love. (A Rose That Once Stood Alone)

3.6. Любовь как природный катаклизм

Любовь очень часто соотносится с такими природными катаклизмами, как буря, гроза, наводнение и тому подобное. Основой такого метафорического отождествления является способность мощнейшим образом воздействовать на человека.

Любовь как гроза

Для лирического героя стихотворения М. Пирса гроза с громом и молниями выступает как единственно адекватное описание силы его чувств. ср.

And even when the trails of today / Seem to distract me, / My love is always devoted to you, / It is eternal within my heart, / Like a constant thunder in my soul. (Constant Thunder)

Любовь как водоворот

Для Сандры Огике любовь – это водоворот, вихрь сильнейших эмоций и страстей, переполняющих лирического героя её стихотворения, ср.:

I love you, no doubt / But those words are partial / For they do not in the least / Spell out the very least, / Bits nor pieces / Of this whirlpool, / This maelstrom, / This mount of emotions, / The deepest of affections / That I feel for you. (My Love)

Любовь – вулкан

Лирический герой стихотворения Хамзы Гани воспринимает свои эмоции – как потоки лавы, которыми его затопил вулкан любви, ср.:

But my heart will always flow with a molten, love lava / In your name this lava flows through my veins / My heart beats for you / My heart will never cease to beat your name. (Beauty Beyond Memory)

3.7. Любовь как избавление

Если чуть выше любовь метафорически соотносилась с природным катаклизмом, то она же может быть и спасением от такого катаклизма, ср.:

My love / When it rains, it pours / But you, you quell the storms. (Sandra Oguike. My Love)

3.8. Любовь как растение

Любовь меняется, меняется каждую секунду. Она способна расти от едва заметной симпатии до любви-страсти. И в этом она сходна с растением. Так, для лирического героя стихотворения Криса Энгл его любовь – то, что растёт день ото дня, и этому не может помешать даже осень, ср:

When I'm with you, / eternity is a step away, / my love continues to grow, / with each passing day. / Thoughts of love like falling leaves, / Swirling in the autumn breeze (When I'm with you)

Любовь как роза

Метафорическое соотнесение любви с розой достаточно обычно для поэзии, ср. лирический образ, представленный у Р. Бернса:

O my love's like a red, red rose. / That's newly sprung in June; / O my love's like a melody / That's sweetly play'd in tune. (A Red, Red Rose)

Любовь как посеянное зерно

Для лирического героя стихотворения П. Ботти-Андерсон любовь – это посеянное и взошедшее в душе зерно, ср.:

The first time I laid eyes on you / A seed was sown within me. / Since then it has grown, / Its creeping tendrils ensnaring my heart, / Filling my head with thoughts of you. / Now a fiery blossom is blooming, / Radiating passion, stirring up longing. (The first time I laid eyes on you)

3.9. Любовь как вода

Собственно говоря, вода – наиболее распространенный образ, используемый для метафорического осмысления человеческих эмоций, в том числе и чувства любви.

Любовь как океан

Говоря о необъятности своей любви, лирический герой стихотворения Альфред Остин, сравнивает её с безбрежным океаном, ср.:

Love doth give the whole; / Its range being high as heaven, as ocean deep, / Wide as the realms of air or planet's curving sweep (Love's Trinity)

Любовь как река

Если необъятность делает возможным пересечение концептуальной сферы любви с концептуальной сферой океана, то её неудержимость – с

концептуальной сферой реки, ср. следующие образы из стихотворения Эндрю Янга:

Love stays forever like a stream / That flows but never flows away; / And beauty is the bright sun-bow / That blossoms on the spray that showers / Where the loud water falls below, / Making a wind among the flowers. (Beauty and Love)

Любовь как водопад

Для лирического героя стихотворения Ахмеда Захры любовь – это водопад бескорыстного чувства, ср.:

Shining with a special light... / And watered by a gentle cascade... / A cascade of love / A cascade of selfless affection. (A Rose That Once Stood Alone)

Любовь как морской прилив

Основой метафорического сближения любви и морского прилива может стать их общее качество изменчивости: и то, и другое достигает высшей точки, а потом опускается, ср. лирический образ в стихотворении Ф. Матткэ:

The tide of love began to rise, / the world was filled with summer skies. / A brilliant rainbow arched across, / as waves of love began to toss. (When I First Looked Into Your Eyes)

Любовь как дождь

Метафорическое сближение любви и дождя мы находим в стихотворении Роберта Асома:

Beautiful lady, lily of the field / You, my umbrella and my shield / Your adoration showers like the rains / And drowns all odds and pains. / You would sweep through it, like fresh rain. / Swirling across my landscape. / Drenching on my soul. / Blossoming hope, in my wounded places. (To The One I Love)

3.10. Любовь как сила

Метафорическое сближение концептуальной сферы любви и концептуальной сферы силы достаточно обычно. При этом, однако, на передний план могут выходить различные аспекты этого сближения. Так, сила может выступать как поддерживающая здание колонна, как сила духа, как магнетизм, наконец, как магия.

Любовь как колонна

Для лирического героя стихотворения Эми С. Бэдфорд любовь – «камень силы», колонна, поддерживающая самостояние личности, ср.:

You are my pillar / my stone of strength, / With me through all seasons / and great times of length. / My love for you is pure / boundless through space and time, / it grows stronger everyday / with the knowledge that you'll always be mine. (Because Of You)

Любовь как сила духа

Для лирической героини стихотворения Орании Гамильтон любовь равнозначна силе духа, смелости, ср:

Yesterday you offered me courage, / today you endowed me with your strength. / Every moment together, a gift. / Every day a celebration of life. (Near You)

Любовь как магнетизм

В стихотворении Калеба К. Лу любовь уподобляется таинственному магнетизму, где мужское и женское начала – как северный и южный полюса магнита, ср.:

Our love is magnetic... / We are like magnets, in motion we stay / Eternal attraction, forever at play / Like north and south poles, never apart / No stronger bond, than our magnetized hearts / We are like magnets and love is our force. (Magnetic Love)

Любовь как магия

В стихотворении Хелен Штайнер Райс рассматривается удивительная способность любви изменять всё в нашей жизни, и ничто не в состоянии этому сопротивляться. Эта удивительная способность объединяет любовь с магией.

Love works in ways / That are wondrous and strange / And there's nothing in life / That love cannot change!! / Love can transform / The most commonplace / Into beauty and splendor / And sweetness and grace. (The Magic of Love)

3.11. Любовь как путешествие

Метафорическое осмысление жизни как путешествия достаточно обычно, и любовь может оказаться, как в стихотворении Денизы Мангано, гидом в этом путешествии. Развитие лирического сюжета в данном стихотворении приводит, однако, к тому, что любовь метафорически сближается уже с самим путешествием, ср:

Stand beside through thick and thin / Through all that life will throw our way / Knowing that this special love we share / Will guide us, each and every day / <...> / This journey was started long ago / Before this time and place / The journey of completeness / As two hearts and souls embrace. (Keeper Of My Dreams)

3.12. Любовь как воздух, как крылья для птицы, как вода для реки...

В приведенных выше и им подобных примерах любовь метафорически осмыслялась как нечто жизненно необходимое, как то, без чего невозможно само физическое существование. Поэтому вполне логично и метафорическое сближение любви с воздухом, без которого наше физическое существование действительно невозможно, ср. образ, разворачиваемый в стихотворении Сандры Огике:

All I Need / Your love surrounds me like the air that I breathe. / Your kiss touches me as gentle as a breeze. / Written and owned by Natalie E Dolan – / My love, / Every moment I inhale, / I breathe you. / You are like the air / That fills up my lung. (My love)

Проведенный анализ английских метафор с компонентом «любовь» позволил сгруппировать их следующим образом: (1) любовь как единение, (2) любовь как вечность и как мгновение этой вечности, (3) любовь как опасность, (4) любовь как защита, (5) любовь как свет, (6) любовь как цельность, (7) любовь как природный катаклизм, (8) любовь как избавление, (9) любовь как растение, (10) любовь как вода, (11) любовь как сила, (12) любовь как путешествие, (13) любовь как воздух, (14) любовь как то, без чего невозможно само существование. Выделенные таким образом подгруппы частично пересекаются, а большинство из них имеет внутреннюю структуру, так что данная классификация является рабочей и не претендует на окончательность.

Любовь – вечная тема в самых различных культурах, включая и британскую, и традиционную китайскую. Говоря о различиях в метафоризации любви в традиционной китайской и британской лингвокультурах, следует отметить характерность для традиционной китайской лингвокультуры метафоры «любовь – подарок» и характерность для британской лингвокультуры метафоры «любовь – сила».

Традиционные китайские ценности несут следы влияния философии Инь-Ян. Предметы и явления экстравертного характера, прочные, быстрые включаются в группу Ян, тогда как предметы и явления интровертные, неяркие, спокойные – в группу Инь. В древнем и средневековом Китае любовь включалась однозначно в группу Инь, поэтому и метафоры с компонентом «любовь» включали, как правило также объекты из

той же группы Инь, например, воду, при этом идеальная любовь мужчины и женщины рассматривалась как гармония Инь и Ян – гармония мужского и женского начала.

Сейчас же под влиянием глобализации эта тенденция всё чаще нарушается, и метафоры с компонентом «любовь» могут включать в себя такие компоненты, которые ранее были просто немыслимы. Теперь уже и в китайской лингвокультуре могут появляться невозможные в ней ранее, однако достаточно традиционные для британской лингвокультуры метафорические сближения любви и опасности или любви и природного катаклизма. И если раньше в китайской лингвокультуре любовь метафоризовалась, например, в виде изящных падающих снежинок, то теперь им на смену вполне может прийти бушующих ураган с ударами молний и раскатами грома.

Необходимыми предпосылками для данного сближения китайской лингвокультуры с лингвокультурами иными и с британской в частности способствовали реформы китайского государства последней четверти минувшего столетия, а также развитие компьютерных технологий и интернета в последние годы.

Литература / References

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994.
- Буйнова О.Ю.* Производно-метафорическое значение в развитии семантической структуры слова: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1998.
- Бурмистрова М.А.* Когнитивная метафора в научном тексте: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Гаспарян С.К.* Фигура сравнения в функциональном освещении. – Ереван: Лусакн, 2013.
- Дун Чжунциу.* Смысл пяти элементов // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. – С. 125-127.
- Изотов А.И.* Американская культура в зеркале национального корпуса чешского языка: Литература, мифология, фольклор. – М.: Издательство «Азбуковник», 2010. – 200 с.
- Изотова А.А.* Идиоматичность, символизация и аллюзивность в произведениях С. Моэма // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 42. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 76-84. а
- Изотова А.А.* Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 43. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 64-72. б
- Изотова А.А.* Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 44. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 63-67.
- Изотова А.А.* Функциональная фразеология в художественном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 49. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 88-99. а
- Изотова А.А.* Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 21. – С. 258-260. б
- Клименова Ю.И.* Онтология метафоры в англоязычном экономическом медиа-дискурсе: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2010.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ имени М.В.Ломоносова, 1996.

- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с пред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Лю Сяо.* Метафорика воды в «Беовульфе» // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 8. – С. 253-257.
- Лю Сяо.* Английские метафоры с компонентом «природа» в свете концепции У-Син // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 51. – М.: МАКС Пресс, 2015. – С. 15-40. (а)
- Лю Сяо.* Метафорика стихий в «Беовульфе» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2 (43). – С. 133-135. (b)
- Лю Сяо.* Метафора и корпус // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. (с)
- Метафора в языке и тексте / Под ред. *В.Н. Телия.* – М.: Наука, 1988.
- Подколзина Т.А.* Метафора и парадокс в английской терминологии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
- Празян Н.О.* Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2011.
- Световидова И.В.* Перенос значения и его онтология в английском и русском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
- Теория метафоры / Вступ. и сост. *Н.Д. Арутюновой.* – М.: Прогресс, 1990.
- Шахбаз С.А.С.* Концептуальные метафоры, связанные с понятием «любовь», в английской и русской поэзии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 39. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 101-117.
- Шахбаз С.А.С.* Образ и его языковое воплощение (на материале английской и американской поэзии): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2010.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ «ЗЛО» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

З.К. Дербисхева

**INDIVIDUAL AUTHOR'S CONCEPT OF «EVIL»
IN THE CONCEPTOSPHERE OF CHYNGYZ AYTMATOV**

Z.K. Derbisheva

ABSTRACT:

The present paper deals with linguistic and cognitive description of individual author's concept of «Evil». The study of individual author's concepts fully reveals the whole system of hierarchy for value orientations of creative linguistic personality. Individual value priorities do not always coincide with those that were generally accepted in the certain social medium.

Keywords: linguistic personality; author's conceptosphere; individual author's concept; cultural code; cognitive idea; mental patternings.

АННОТАЦИЯ:

В настоящей статье дано лингвокогнитивное описание индивидуально-авторского концепта «Зло». Исследование индивидуально-авторских концептов выявляет саму систему иерархии ценностных ориентиров творческой языковой личности. Индивидуальные ценностные приоритеты не всегда совпадают с ценностными приоритетами, общепринятыми в социуме.

Ключевые слова: авторская концептосфера; индивидуально-авторский концепт; культурный код; когнитивная идея; ментальные формулы.

Концепт Зло имеет высокий отрицательный статус. Зло – это категория этики и понятия морального сознания, в предельно общей форме показывающая проявление безнравственного начала, предосудительного в мотивации деятельности и поступках, моральных качествах и отношениях человека, социальных явлениях. Большинство философов рассматривают зло как этический феномен. Согласно дефиниции «Зло – понятие нравственности, означает намеренное, умышленное, сознательное причинение кому-либо вреда, ущерба, страданий. В житейском смысле зло относят ко всему, что получает у людей отрицательную оценку, порицается ими, противоречит правилам морали» [Соловьев ЭР].

В ранних рассказах и романах Ч. Айтматов добро и зло в человеческой жизни проявляются в отрицательном и положительных характерах героев. Чем дальше, тем понимание зла у писателя становится шире, многограннее, выходит за пределы личностных проявлений героев, и наряду с этим поляризация добра и зла стремительно набирает силу. В поздних своих произведениях Ч. Айтматов делает Зло главным персонажем своих произведений. При описании зла писателю свойствен максимализм, крайность чувств, доходящих до отчаяния. Писатель целенаправленно стремится создать ощущение вездесущности зла, его изощренности, его всеислия. Он стремится довести читателей до состояния глубокого потрясения, чтобы воздействие злом довело человека до состояния катарсиса, и чтобы он благодаря этому очищению смог бы встрепенуться, встать, распрямить плечи и изо всех сил сопротивляться силам зла. Это главная идея в творчестве Ч. Айтматова.

Исходя из этого полагаем, что концепт «Зло» является одним из ключевых в концептосфере Ч. Айтматова. Ментальной основой авторского идиостиля является индивидуальная концептосфера. Индивидуальные художественные концепты представляют собой многослойные образования [Тарасова 2010]. Концепт зла мы рассматриваем как четырехърусное образование: на первом уровне концепт анализируется как когнитивная структура, реализованная фреймами, состоящими из слотов, на втором уровне концепт рассматривается через призму культурных кодов, обусловленных авторским сознанием, на третьем уровне концепт представлен вербально-семантическим полем, и четвертый уровень репрезентирован системой когнитивных признаков, формирующих авторский концепт «Зло».

1. Структура индивидуально-авторского концепта «Зло»

Фреймы, составляющие концепт «Зло»:

1. Фрейм «Абсолютное зло»
2. Фрейм «Социальное зло»
3. Фрейм «Физическое зло»
4. Фрейм «Моральное зло»
5. Фрейм «Эмоции зла».
6. Фрейм «Образ зла»

Фрейм «Абсолютное зло» составляют такие слоты, как «Манкуртизм», «Садизм», «Зомбизм».

Под абсолютным злом понимаются действия, которые направлены против человеческого естества и противостоят фундаментальным потребностям человеческого рода.

Слот «Манкуртизм» имеет индивидуально-авторскую специфику и вербализуется с помощью следующих выражений: *покушаться на память человека; вытравить память раба; память, разъятая силой; изувеченный пытками разум; когда голову ужимали, как орех, клещами; сокрушенное сознание.*

Слот «Зомбизм» реализуется такими конструкциями, как: *умерщвлять уколом в сердце; укол рыбьей костью; забыть о прошлой жизни; эксплуатация зомби; втягивание в криминальные промыслы.*

В концептосфере Ч. Айтматова слот «Садизм» вербализуется следующими выражениями: *200 видов казни; Одна ветвь садизма – манкуртизация произросла в Азии, другая – зомбирование – в Африке; «пассивный» садизм; извлекать удовольствия от страданий другого; испанская коррида; игра человека со смертью.*

Фрейм «Социальное зло» состоит из слотов: «Война», «Бунт», «Восстание», «Деспотизм», «Смута», «Агрессия», «Преступление», «Кризис». Зло социальное в концептосфере Ч. Айтматова охватывает всю совокупность явлений, противоречащих интересам и жизненным потребностям человека и общества. Социальное зло исходит из несовершенства общественного и государственного устройства.

Фрейм «Физическое зло» состоит из таких слотов, как: «Болезнь», «Эпидемия», «Насилие», «Расправа», «Разрушение», «Голод». Вербализация слотов особенно плотно передается с помощью глаголов с деструктивной семантикой: *опустошить, вытравить, губить, убивать, корезить, выкручивать, кощунствовать, ломать, изжигать, пожирать, покушаться.*

Фрейм «Моральное зло» состоит из слотов: «Жестокость», «Цинизм», «Мечь», «Коварство». Зло моральное коренится в несовершенстве нравственной природы человека, которая позволяет ему переступить моральный закон. Такое зло творится под воздействием сознания, воли и морального выбора человека.носителем зла является сам человек; причиной Зла является выбор свободно действующего человека. Оно целиком зависит от разумности, или отсутствия разумности. В понятии Зла морального акцентируется деструктивная активность субъекта по отношению принятому нравственному порядку взаимоотношений людей, который складывается в любом обществе, наделяя каждого человека определенным уровнем ценности, достоинства.

Фрейм «Эмоции зла» состоит из слотов: «Ненависть», «Озлобление», «Зависть», «Паника», «Вражда», «Злоба», «Слезы», «Стоны». Айтматов считает человека создателем и распространителем зла. И первое, с чего начинается творчество разрушения или зла, это отноше-

ние человека к миру, его видение мира. Каким он видит, считает мир, таким он его и создаёт. Если человек тревожится, боится, негодует, возмущается, ненавидит, обвиняет, гневается, отчаивается, стыдится, печалится, горюет, не доверяет или враждует, то он сеет и распространяет зло.

Фрейм «Последствия зла» состоит из слотов: «Вред», «Жертвы», «Смерть», «Голод», «Беспамятство». Реализуются эти слоты различными словосочетаниями, выражающими последствия зла: *кровавые жертвы, остекленевшие глаза, конец света, несчастливые, искажаемая жизнь, духовное одичание, убитые и убиваемые, страх, кровь*.

Фрейм «Образ зла» состоит из слотов «Стихия», «Несчастье», «Зверь», которые реализуются следующей лексикой: гром, зверь, срыв, обвал, лава, стихия, вулкан, беда, извращение. В терминах фреймового описания метафоры возникают в результате взаимодействия фреймов эмоций с фреймами различных объектов и явлений окружающего мира.

II. Коды культуры, лежащие в основе концепта «Зло».

Д.Б. Гудков пишет: «Те или иные объекты окружающего нас мира оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами национальной культуры» [Гудков 2004: 39].

Считается, что существуют базовые коды культуры (таковы соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный), внутри которых распределяются остальные [Красных 2001]. Как отмечает В.И. Карасик, «...языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие освоения мира. [Карасик 2004: 148]. В арсенале языковых средств выразительности художественного стиля наиболее ярким является метафора. Метафора – это продукт лингвокреативного мышления автора. Благодаря метафоре можно проникнуть в глубины когнитивного восприятия, осмысления окружающего мира, о чем было сказано А.П. Чудиновым: «... метафора относится к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется «душа народа», его ментальный мир» [Чудинов 2004: 29].

Наиболее часто Ч. Айтматов обращается к **вегетативному коду**. Ч. Айтматов приписывает злу свойства растений, которые можно сеять в виде семян, имеющих ветви, являющиеся продолжениями ствола дерева как источника зла. Ср.: *зло человека – остается в генетическом*

лесу фатальным семенем; смута зреет втайне; манкуртизм и зомбизм подобны двум ветвям, произросшим из ствола садизма и т. д.

Пространственный код. Истоки зла Ч. Айтматов видит в человеческой душе как в пространстве внутреннего мира, предстающем в виде вместилища зла; см.: *конец света – в непрерывном накоплении зла в нас самих, в наших деяниях и мыслях; Зависть – губительное свойство, изначально таится в человеке, исподволь опустошает душу и приводит к жестокости; темные пещеры души.*

Антропоморфный код представлен у Ч. Айтматова в виде эмотивной метафоры: *Великое зло бытия торжествовало.* Зло у автора персонифицируется, то есть наделяется физическими свойствами человеческого поведения: *Зло – преобладающая сила, зло губит, убивает.*

Природно-стихийный код. Для Ч. Айтматова зло – это непредсказуемая стихия природы, которую трудно обуздать, остановить. Многочисленные метафоры в его произведениях построены на названиях природных стихий: *ветры зла, гром, срыв, обвал, лава, стихия, вулкан* и т. п. Среди них наиболее часто возникает образ огня; см.: *Зло, воспламенное ненавистью и завистью; Не изжигай себя мстью;* а также образ воды: *не видно конца злодеяниям, бурлящим как волны в океане.*

Мифический код. Автор обращается и к мифическим образам; в повести «Белый пароход» апогей зла проявляется в убийстве Рогатой Матери-Оленихи – прародительницы киргизов из легенды, рассказанной мальчику его дедом: *остекленевший, немигающий глаз Рогатой Матери-Оленихи.* Зло в понимании писателя предстает в виде мифического существа демона: *демон насилия и разрушения.*

Милитарный код встречается в выражении: *Зло – мина замедленного действия.*

Игровой код используется Ч. Айтматовым для усиления мысли о нескончаемости зла на земле; см.: *карусель кровавых драм.*

Согласно результатам анализа языкового материала образное восприятие зла у Ч. Айтматова сводится к двум основным метафорическим процессам овеществления и персонификации.

III. Вербально-семантическое поле концепта «Зло»

В рамках вербального способа исследования этического концепта Зло важно выявить уровень языкового осмысления в индивидуально-авторском восприятии Ч. Айтматова. Высокая номинативная плотность (термин В.И. Карасика) данного концепта в произведениях писателя свидетельствует о его аксиологической значимости для концептосферы писателя [Карасик 2004: 112]. Значимость концепта зла для ментального

пространства в творчестве Ч. Айтматова проявляется в высокой плотности лексем, эксплицирующих исследуемый концепт. Поэтому интересно остановиться на характеристике языковых средств выражения концепта Зло в концептосфере Ч. Айтматова, который репрезентируется в языке писателя разноразными единицами языка: готовыми лексемами, свободными словосочетаниями, метафорами и ментальными формулами – авторскими изречениями.

Лексическая объективация концепта зла реализуется существительными, прилагательными, глаголами. Лексико-семантическое поле существительных, обозначающих семантику зла, актуализирует определенные семантические аспекты концепта зла. Эмоциональный аспект концепта «Зло» вербализуется именами чувств и эмоций *ненависть, озлобление, злоба, зависть*. Релятивный аспект концепта раскрывает сущность концепта зла как социального проявления и вербализуется в существительных *злодеяние, расправа, агрессия жестокость, дикость*. Стаивный аспект концепта характеризует проявление зла как состояния и репрезентируется словами *болезнь, голод, смута, смерть*. Динамический аспект концепта «Зло» вербализуется преимущественно глагольной лексикой с деструктивным значением: *разрушать, опустошить, вытравить, губить, убивать, корезить, выкручивать, кощунствовать, ломать, изжигать, пожирать, покушаться*. Качественно-оценочный аспект концепта вербализуется лексико-семантической группой прилагательных: *ничтожный, жалкий, изуверский, страшный, свирепый, разрушительный, губительный, бесчеловечный, кровавый, опустошающий, пожирающий, изувеченный, искажаемый* и т. п.. Данные прилагательные отражают основные значения лексико-семантического поля, имеющие высшую степень интенсивности негативной оценки сущности зла.

Следующий уровень в вербально-смысловом поле концепта зла представлен свободными словосочетаниями. Данные словосочетания являются яркими аксиологическими акцентами на индивидуально-авторской интерпретации последствий зла: *Людское побоище / страшное зрелище / дикие крики / гул / рев / визг / ржание / храпы / истреблять / кровавая битва / сшибались / валили наземь / живьем истаптывали копытами коней / бились ножами и саблями / резали глотки / вспарывали животы / горы человеческих трупов / кровавое месиво, губительное свойство, духовное одичание, бесчеловечная сущность, отречение от себя, коварство человеческое, прихоть человека, кровавые жертвы, конец света, разрушительные силы, кошмарные сновидения, жуткая сила, остекленевшие глаза, вечно искажаемая жизнь, генетический страх*. Адъективные и именные словосочетания заключают в себе весьма экспрессивную негативную оценку, которые дают контуры айтма-

товского зла, источником которого является духовно одичавший человек с его бесчеловечной сущностью, с коварством, прихотями.

Полученные семантические данные на следующем этапе работы были подвергнуты когнитивной интерпретации, которая представляет собой «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» [Попова, Стернин 2007].

Когнитивная интерпретация результатов семантического описания единиц номинативного поля, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является важнейшей процедурой семантико-когнитивного исследования, так как именно на этом этапе с опорой на языковые данные формулируются когнитивные признаки, отражающие результаты категоризации того или иного явления объективной действительности. Когнитивный признак – это отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре концепта как отдельный элемент его содержания [Попова, Стернин 2007: 128].

IV. Когнитивный слой концепта «Зло»

Особое место в вербально-смысловом поле концепта зла занимают ментальные формулы, которые по существу являются авторскими изречениями писателя. Когнитивная интерпретация айтматовских формул актуализирует ряд когнитивных идей, имеющих философскую глубину. Абстрактное понятие зла, отображенное в ментальных формулах Ч. Айтматова имеет некую всеокрушающую силу и обладает устойчивой отрицательной коннотацией. Образная составляющая представляет ментальные особенности представлений о зле в индивидуально-авторском сознании писателя.

1. Когнитивная идея «Превосходство зла над добром». В концептосфере Ч. Айтматова Зло доминирует над добром. Зло заполняет все вокруг. Оно преобладает количественно и превосходит добро по силе воздействия. Добро оказывается уязвимым перед злом; см.: *зло – преобладающая сила, что зло губит, постоянно убивает в нас наше исконное предназначение, губит наши вселенские ресурсы, не дает разуму поднять голову* (Тавро Кассандры, том 5, с. 102); *Добро неизбежно расплавляется за зло* (Когда падают горы, том 6, с. 82); *Великое зло бытия торжествовало, обернувшись маленьким успехом маленьких людей* (Плаха том 4, с. 123); *Стоит слегка потеснить добро, как зло тут же укрепляет свои позиции* (Диалоги, том 5, с. 393); *они так и не*

разгадали при этом извечной загадки: отчего зло почти всегда побеждает добро (Плаха, том 4, с. 17); *Так уж устроено в нашей жизни: добродетели – всегда дефицит, зла – всегда в избытке, всегда через край* (Тавро Кассандры, том 5, с. 66).

2. Когнитивная идея «Антагонизм добра и зла». В противопоставлении добра и зла у Ч. Айтматова добро всегда уступает, добро хрупкое, нежное, уязвимое, тогда как зло агрессивное, всеобъемлющее, коварное. Проблема зла в человеке, размышление над истоками зла волновала Ч. Айтматова на протяжении всего творческого пути. Его произведения многообразно раскрывают это, и встречающиеся в его романах формы зла трудно свести к исчерпывающей схеме; см.: *Противостояние доброго и злого мирным не бывает, они в постоянной борьбе и вражде между собой* (Диалоги, том 5, с. 271); *зло противостоит добру даже тогда, когда добро хочет помочь вступившим на путь зла* (Плаха, том 4 с. 102).

3. Когнитивная идея «Зло – негативная деструктивная сила». Очень эмоционально Ч. Айтматов говорит о разрушающей силе зла, которое уничтожает все на своем пути, оно разрушает человека изнутри, ломает личностный стержень человека. Зло Ч. Айтматов видит в наркомании, в человеческом коварстве, направленном на уничтожение чужого бытия и благополучия, в жестоких людских побоищах в виде войн, революций, массовых убийствах; см.: *ради какой жизненно важной надобности люди ищут отравы себе и другим, что их толкает на это и что они находят в том страшном круге отречения от самих себя?* (Плаха, том 4, с. 110); *Толпа в безумном бессознательном порыве творит мыслимые и немыслимые жестокости, принося массовые кровавые жертвы демону насилия и разрушения* (Диалоги, том 5, с. 392); *Мне не объяснить, а вам не понять, почему так устроена жизнь людская, почему столько убитых и убиваемых на земле* (Плач перелетной птицы 7 том, с. 449); *Разве все эти нескончаемые войны, и так называемые славные в том числе, все эти революции, бунты, восстания, преступления, жестокость властей, деспотизм учений и идеологий – разве все это, вместе взятое, все, что постоянно корежит, выкручивает жизнь, судьбы, делает народы постоянно взаимоненавидящими, людей – алчными существами* (Тавро Кассандры, том 5, с. 101); *Когда сила силу ломит, удивительное становится ничтожным, а прекрасное – жалким* (И дольше века длится день, том 3, с. 251).

4. Когнитивная идея «Человек – источник зла». Главное открытие писателя заключается в том, что зло таится в душах самих людей. Человек – носитель зла, которое искоренить трудно. Зло заложено в

человеке изначально, проникает и укореняется в мыслях человека. Зачастую истоки зла – в беспринципности человека, в звериной сущности людей. См.: *Ведь нет на Земле никакого иного носителя зла, кроме нас самих, людей* (Тавро Кассандры, том 5, с. 134); *Люди должны знать, что конец света – в непрерывном накоплении зла в нас самих, в наших деяниях и мыслях, и это сказывается на генетическом коде человека, приближая кризис. И будет поздно, когда грянет гром* (Тавро Кассандры, том 5, с. 204); *Даже законы естества отвергал Чингисхан ради военных побед, кощунствуя над самой жизнью и над Богом* (И дольше века длится день, том III, с. 247); *В чем, однако, людям не отказать, так это в том, что, чего бы мы ни достигали в развитии науки и техники, мы всегда оставались и, к сожалению, остаемся зверьми, пожирающими себе подобных* (Тавро Кассандры, том V, с. 103); *зло, совершенное субъектом, не уходит физически вместе с ним, с кончиной его века, а остается в генетическом лесу фатальным семенем, ожидая вероятного часа икс, когда оно даст о себе знать подобно мине замедленного действия* (Тавро Кассандры, том V, с. 41); *Зло в человеке искоренить трудно; Зло может завладеть и разумом* (Когда падают горы, том 6, с. 218); *Трава рождается от травы, и тому воля природы, твари рождаются от тварей, и тому воля природы, и только прихоть человека может встать поперек естества* (И дольше века длится день, том 3, с. 266).

В произведениях Ч. Айтматова единственным источником зла является сам человек, который порождает это зло. Ч. Айтматов изображает трагическое как внешнее явление жизни – это пороки и злодеяния, приносящие страдания и гибель многим людям. Его герои творят зло для того, чтобы посредством коварства, насилия, жестокости достичь власти и добыть те блага, обладание которыми возвысит их над другими. Такие люди движимы властолюбием, корыстью, коварством. Чингиз-хан, Сталин – это герои, осознающие, что выбор, перед которыми они стоят, делает для них неизбежным совершение зла. Стремясь к достижению своих целей, они убивают, творят зло, причиняют страдания. Простейшая форма зла – то зло, которое проистекает из низменных, эгоистических побуждений, из стремления к удовлетворению личных интересов, амбиций.

5. Когнитивная идея «Негативные последствия зла». К последствиям зла Ч. Айтматов относит разрушение внутреннего мира человека, нарушение справедливости в глазах ребенка, варварское уничтожение красоты и смысла живой природы. См.: *Где-то среди нас, в стихии нашей, происходит срыв, обвал, извращение нравственности, незримая*

радиация зла и страха распространяется из того обвала по миру, нарушается космическая справедливость (Тавро Кассандры, том 5, с. 67); Как в кошмарном сновидении, прикованный к месту жуткой и непомятой силой, он стоял и дивился тому, что остекленевший, немигающий глаз Рогатой матери-оленихи не бережется топора. Не моргает, не зажмурится от страха. Голова давно уже извалялась в грязи и пыли, но глаз оставался чистым и, казалось, все еще смотрел на мир с немым, застывшим удивлением, в котором застала его смерть (Белый пароход, том II, с. 312).

6. Когнитивная идея «Изощренность зла». Зло в концептосфере Ч. Айтматова разнолико, оно коварно. Коварство и изощренность зла проявляется в жестоком и кощунственном способе лишения живого человека памяти. См.: *Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, проговорила она вслух, – но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без этого? (И дольше века длится день, том III, с. 155); Смута зреет втайне, на то она и смута. Кому было знать в тот день и час на пиру у реки, что, крадучись за спинами, прая в злобе и ненависти к счастью влюбленных, зарядилась иная судьба – эта самая подспудная смута (Когда падают горы, том VI, с. 74); Смута всегда найдет свои ходы (Когда падают горы, том VI, с. 76); Манкуртизм и зомбизм подобны двум ветвям, произросшим из ствола древа садизма (Диалоги том VI, с. 384); В истории общества – истоки зла, оседающего генетическим страхом, а мораль так часто уклончива перед циничным натиском действительности (Тавро Кассандры, том V, с. 52); Нет бы сразиться насмерть открыто, один на один, не за землю, не за богатство, не за власть даже – за душу. Но разве есть предел коварству человеческому? (Когда падают горы, том VI, с. 74); Справедливо: человека нельзя обрекать на голод. Нет и не может быть таких «высших» интересов, какие бы оправдывали такую политику. Имя ей преступление. Вербовать «сторонников» какой-либо идеи ценой похлебки – вот ее изуверская и бесчеловечная сущность (Тавро Кассандры, том V, с. 389); Зло не останавливается даже перед Богом. Даже законы естества отвергал Чингисхан ради военных побед, кощунствуя над самой жизнью и над Богом (И дольше века длится день, том III, с. 247).*

7. Когнитивная идея «Нескончаемость злодеяний». См.: *Зло сменяется злом, оставляя семена свои для следующего зла (Тавро Кассандры, том V, с. 43); Но жестокость порождает ответную жестокость – это тоже давний закон (Плаха, том IV, с. 71); Нет бы сра-*

зиться насмерть открыто, один на один, не за землю, не за богатство, не за власть даже – за душу. Но разве есть предел коварству человеческому? (Когда падают горы, том VI, с. 74).

8. Когнитивная идея «Неизбежность краха зла». Оптимистические мысли в восприятии добра и зла у Ч. Айтматова пробиваются с огромными усилиями. Последние надежды в этом неравном противоборстве добра и зла Ч. Айтматов возлагает надежду на разум и истину, то есть злу может противостоять истина и разум способен победить зло. См.: *Вечная невеста не может примириться со злом, воспламененным ненавистью и завистью, она хочет спасти, вернуть жениха-охотника из его отшельничества в жизнь какая она есть, и в этом спасительном порыве, в стремлении к истине нет предела человеческого духу ни во времени, ни в пространстве* (Когда падают горы, том 6, с. 82); *И думалось тогда Абдугалипу Куттыбаеву тюремными ночами, что Белое облако, когда-то покинувшее Чингисхана, рано или поздно покинет и Сталина <...> и обнажится истина Зла, и все увидят и убедятся, что Зло на земле терпит крах, как бы оно ни выдавалось за правду и какие бы расправы ни учинялись на роду* (статья «Препоручение Богу», том 8, с. 503); *Никому не изменить изначально предосланных человечеству энергии Добра и наряду с ней и вопреки ей – энергии Зла. Они равные величины. Но человеку даны преимущества разума, заключающего в себе неисчерпаемое движение вечности, и, если человек хочет выжить, если он хочет достичь вершин цивилизации, ему необходимо побеждать в себе Зло. Ведь вся жизнь людей протекает в беспрестанных к тому попытках, и в том главное наше предназначение* (Тавро Кассандры, том 5, с. 45).

В заключение отметим, что концепт «Зло» в концептосфере Ч. Айтматова – это многослойное образование. Вербально-семантическое описание концепта «Зло» дает представление о степени лексико-семантической насыщенности концепта «Зло» в произведениях Ч. Айтматова. Фреймовый анализ позволил выявить различные проявления концепта зла в индивидуально-авторском понимании писателя. Кроме того фреймовый подход продемонстрировал семантическую сложность структуры концепта «Зло», которая была рассмотрена с помощью слотового наполнения. Анализ концепта «Зло» с точки зрения лингвокультурных кодов позволил выявить индивидуально-авторскую образную интерпретацию данного концепта, в основе кодирования которых были обнаружены природно-стихийный, антропоцентрический, пространственный, вегетативный и другие коды. Анализ концепта «Зло» с помощью когнитивных признаков выявил основные когнитив-

ные идеи, представляющие наиболее важные мысли писателя о зле, которые он стремился донести до читателя.

Литература / References

- Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
- Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–21.
- Пименова М.В.* Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Отв. ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь: ПГЛУ, 2007. Вып. 5. С. 72–78.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
- Соловьев В.* Толковый словарь по философии. [Электронный ресурс] URL: <http://terme.ru/dictionary/194>. Дата последнего обращения 10.10.2015.
- Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010, № 4 (2). С. 742–745
- Чудинов А.П.* Национальная ментальность и соответствующие ей метафорические модели // Ethnohermeneutik und Antropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. S. 19–30 (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Band 10).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕКСТА И ЧЕЛОВЕКА ПОРОЖДАЮЩЕГО И ПОЛУЧАЮЩЕГО¹

Янь Кай (КНР)

PSYCHLINGUISTIC APPROACH TO THE RESEARCH OF IN- TERACTION BETWEEN TEXT AND HUMAN GENERATING AND RECEIVING

Yan Kai (PRC)

ABSTRACT:

The article is devoted to the problem of interaction between Text and Human who generates and receives text from the point of view of psycholinguistics.

Keywords: text, Homo Loquens, Human generating and Human Receiving

АННОТАЦИЯ:

Данная статья посвящена проблеме взаимосвязи текста и человека, с одной стороны, порождающего, с другой – получающего текст, в свете психолингвистического подхода.

Ключевые слова: текст, человек говорящий, человек порождающий и получающий

В гуманитарных науках проблема *текста* рассматривается в рамках философии, культурологии, социологии, истории, литературоведения, лингвистики и др. Изучение текста входит в сферу исследований ряда лингвистических наук: психолингвистики, лингвистики текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, политической лингвистики и т. д. При этом контентный анализ текста проводится на всех уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом (см. работы Л.Г. Бабенко, А.Н. Баранова, М.Г. Безяевой, В.П. Беянина, М.В. Всеволодовой, И.Р. Гальперина, А.А. Гируцкого, И.Н. Горелова, Д.Б. Гудкова, О.В. Дедовой,

¹ Данное исследование выполнено при поддержке грантов (Теория контекста в преподавании аудирования на занятиях по РКИ: проблемы и решения) КНР № WYZDB14070 “十二五” 高校外语教学改革专项2014年度课题立项

《给予语境理论、衔接与连贯理论的俄语听力教学思考和研究》 课题编号WYZDB14070.

Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкина, Е.А. Журавлевой, А.А. Залевской, И.А. Зимней, Г.А. Золотовой, Ю.Н. Караулова, А.П. Клименко, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, Ю.М. Лотмана, А.Р. Лурия, В.А. Масловой, А.И. Новикова, В.А. Пищальниковой, Т.Е. Помыкаловой, О.Г. Ревзиной, К.Ф. Седова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Л.О. Чернейко, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал и др.).

Сегодня уже вполне очевидно, что мы, носители конкретной лингвосоциокультуры, говорим не столько словами, сколько текстами. Как утверждал Н.И. Жинкин, человек говорит не отдельными предложениями, а одним задуманным текстом [Жинкин 1982: 108]. А.А. Леонтьев пишет, что мы «не просто подбираем слова в высказывании соответственно отдельно окружающим нас предметам и явлениям, а вместе с тем строим высказывание сразу как целое» [Леонтьев 2014: 172]. Известно, что информация о действительности, отражающейся в тексте, передается с помощью знаковых систем. Таким образом, текст – это продукт познавательной деятельности человека; это единица коммуникации, с помощью которой отражается информация о действительности.

Слово «информация», согласно точке зрения И.Р. Гальперина, употребляется в двух значениях. В бытовом значении информация понимается как всякое сообщение, оформленное в виде словосочетания номинативного характера; это может быть высказывание, предложение и цельный текст. Во втором значении «информация» употребляется в трудах по теории коммуникации и предполагает получение новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности [Гальперин 2007: 26].

И.Р. Гальперин предложил при анализе разных видов текстов различать информацию содержательно-фактуального, содержательно-концептуального и содержательно-подтекстового плана; при этом последний план, будучи скрытым, извлекается из первого, благодаря в том числе «способности предложения внутри СФЕ приращивать смыслы» [Гальперин 2007: 28]. В целом смысл играет важнейшую роль, т. к. именно он формирует текст как единое целое, позволяет воспроизводить его содержание и соотносить с действительностью. Соответственно, смысл должен рассматриваться в тройном аспекте: «в его отношении к памяти, к реальной действительности и к конкретным языковым средствам, образующим текст» [Гальперин 2007: 10].

Текст в русле психологии и психолингвистики, по словам А.А. Брудного, будучи «концентрированной действительностью, ориентированной на то, чтобы её поняли», обладает способностью, с одной стороны, сохраняться, поскольку предстает как неизменяемый материальный носитель содержания, с другой – изменяться в процессе пони-

мания его смысла [Брудный 2005: 118]. Т.В. Ушакова рассматривает текст в широком понимании: через текст, через речевую продукцию в коммуникации мы можем понять и почувствовать человека (человека говорящего), его мысль, определить настроение, характер, воспитание и т. д. [Ушакова 2011: 240].

С позиции психолингвистики, А.А. Леонтьев пишет о том, что текст есть «организованное смысловое целое, а его формальная структура и объединяемые ею компоненты текста служат лишь опорой при выявлении этого смыслового целого и оперирования с ним» [Леонтьев 2001: 242]. При этом, текст понимается как знаковая продукция, представляющая собой систему визуальных сигналов, интерпретируемых читателем и образующих на полюсе читателя систему смыслов [Сорокин 2009: 234]; как некоторое сообщение, выраженное средствами национального языка [Горелов, Седов 2008: 43]. Как утверждала А.П. Клименко, существуют две главные стратегии обеспечения готовности к текстопроизводству – «готовность к синтагматическому построению текста из отдельных элементов путем их сочетания и готовность к парадигматическим заменам одних потенциальных элементов текста другими – соответствуют главнейшим видам ассоциаций – синтагматическим и парадигматическим» [Клименко 1990: 45]. Особенность текста, по А.И. Новикову, заключается в том, что «он представляет собой целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных компонентов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяют его внутреннюю смысловую сущность» [Новиков 2003: 91-97].

В.П. Белянин, являясь сторонником концепции И.Р. Гальперина², считает текст сложным семантическим образованием, обладающим рядом характеристик, которые отсутствуют у единиц языка, а именно: цельностью, связностью, эмотивностью, креолизованностью, прецедентностью, скважностью [Белянин 2011: 162]. При этом он определяет текст как продукт речи, детерминированной потребностями коммуникации, т.к. в процессе коммуникации участник речевой ситуации стремится определенным образом изменить поведение или состояние другого участника; особенность его речевого поведения выражается в том, что партнёр по общению совершает неречевое действие или порождает ответное речевое сообщение [Белянин 1988: 9–10]. В.В. Красных выделяет следующие аспекты текста как единицы дискурса: собственно лингвистический, экстралингвистический, когнитивный и семантический [Красных 2003: 118]. Поддерживая эту идею, Ю.Е. Прохоров рассмат-

² И.Р. Гальперин определяет текст как «единое, завершённое, литературно обработанное, письменно зафиксированное произведение, отвечающее целому ряду формальных и содержательных требований, обладающее определённой целенаправленностью и прагматической установкой» [Гальперин 2007: 18].

ривает текст как интровертивную фигуру коммуникации; есть совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности [Прохоров 2009: 34].

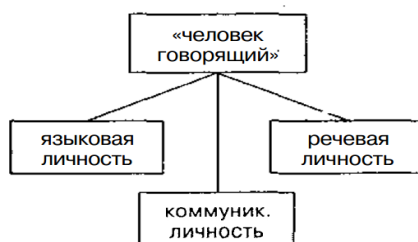
Итак, мы считаем вслед за психолингвистами, что текст есть единица коммуникации (Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев), которая появляется в момент порождения его говорящим и может переживать последующие рождения при восприятии его слушающим (В.В. Красных).

Следовательно, ситуацию понимания текста можно представить так (что соотносится с упрощённой схемой коммуникации Р.О. Якобсона): человек порождающий/говорящий (отправитель) – текст – человек получающий/слушающий (получатель). При этом человек порождающий и получающий могут выступать как две духовные силы, два психических мира.

Таким образом, можно предположить, что у любого текста есть два «участника», между которыми происходит коммуникация. Первый «участник» – человек порождающий отображает созданный им мир в тексте; второй «участник» – человек получающий воспринимает, понимает и интерпретирует текст человека говорящего на фоне своего знания.

Следует отметить, что, по мнению В.В. Красных, феномены «человек порождающий» и «получающий» входят в феномен «человек говорящий»³. При этом любой человек как человек говорящий в каждый момент своей речевой деятельности «выступает одновременно в трёх ипостасях: как языковая, речевая и коммуникативная личность» [Красных 2012: 198]. Иными словами, феномен человек говорящий (ЧГ) охватывает языковую, речевую и коммуникативную личность. Схематично это может быть представлено следующим образом⁴:

Схема 1. Ипостаси Человека говорящего.

³ В.В. Красных пишет, что человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений) [Красных 2012: 196].

С позиции психолингвокультурологического подхода В.В. Красных пишет, что «человек говорящий» формируется «как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества (некоторых сообществ) именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью языка и лингвокультуру именно с помощью языка данного сообщества» [Красных 2015: 173]. При этом учёный утверждает, что человек говорящий есть объект языка, культуры, лингвокультуры и коммуникации [Там же].

Каждый человек говорящий обладает индивидуальным когнитивным пространством (**ИКП**), набором коллективных когнитивных пространств (**ККП**) тех социумов, в которые он входит, и когнитивной базой (**КБ**) того национально-лингвокультурного сообщества, членом которого он является [Красных 2002: 23]. Схематично это может быть изображено следующим образом⁵:

Схема 2. Структура совокупности знаний и представлений личности (ИКП).

- «Индивидуальное когнитивное пространство (**ИКП**) – определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает языковая личность, каждый человек говорящий;
- Коллективное когнитивное пространство (**ККП**) – определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум;
- Когнитивная база (**КБ**) – определённым образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений (данный термин принадлежит Д.Б. Гудкову) того или иного национально-

⁴ Указанная схема заимствуется нами из [Красных 2003: 51].

⁵ Указанная схема заимствуется нами из [Красных 2003: 63].

лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 2003: 61].

Следует отметить, что когнитивная база проецируется на национальное культурное пространство (**НКП**) и входит в него как неотъемлемая часть. Как отмечают ряд исследователей (см. работы Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных и др.), национальное культурное пространство – «это форма существования культуры в сознании человека, это культура, отображенная сознанием, это, если угодно, бытие культуры в сознании её носителей. При этом оно (**НКП**) включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингвокультурного сообщества» [Русское культурное пространство 2004: 10–11].

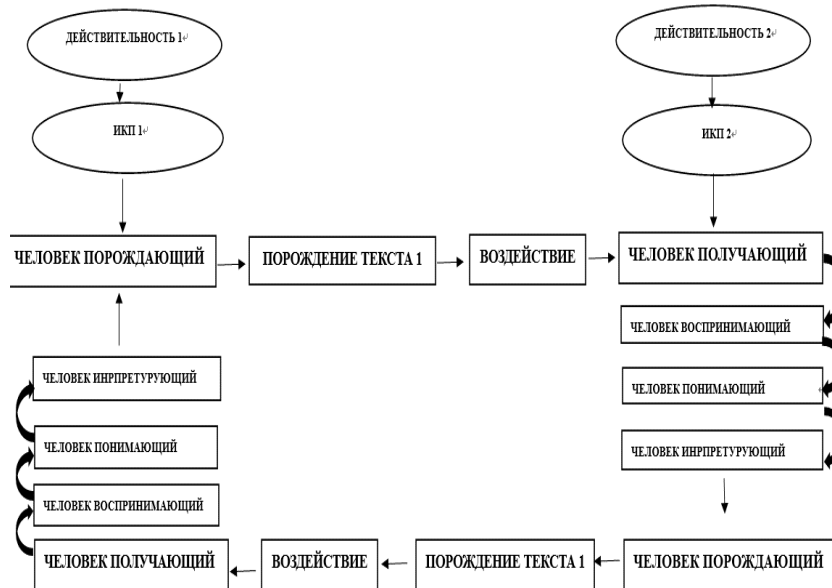
Как можно охарактеризовать «человека получающего»? Коммуникативная роль человека получающего заключается в словесной реакции – ответном речевом действии, замысел и исполнение которого, как считают исследователи, возникает на высшем уровне процесса восприятия и понимания [Караулов 2010: 51–52]. При этом, по мнению Т.Г. Винокура, уровень восприятия имеет иерархическую структуру, т.е. от восприятия и понимания значения слов, словосочетаний и высказываний до понимания замысла человека говорящего [Винокур 2007: 90]. Иными словами, при коммуникации, для понимания текста «человека порождающий», «человек получающий» должен проходить 3 этапа: *восприятие – понимание – интерпретация*. Значит, «человек получающий» охватывает в себя 3 феномена «человек воспринимающий», «человек понимающий» и «интерпретирующий». Схематично это может быть изображено следующим образом.

Схема 3. Система понятий.

Следует отметить, что между человеком порождающим и получающим возникает двойная взаимозависимость, с одной стороны, параллельная уровням порождения и восприятия текста, а с другой – параллельная мене субъектов речи. Т.Г. Винокур пишет, что по отношению к собственному тексту человек порождающий выступает как реципиент в фазе «реакция», которая одновременно является следствием воздействия на него пассивной роли коммуникативного ожидания человека получающего. По отношению к чужой речи человек получающий, проходя все стадии рецепции, одновременно выступает как инстанция, воздействующая на активную роль коммуникативного действия говорящего [Там же: 90–91]. При этом «человек получающий» как и человек говорящий обладает когнитивной базой того лингвокультурного сообщества, членом которого он является. Схематично это может быть изображено следующим образом.

Схема 4. Процесс двойной взаимозависимости коммуникации.

1. Человек порождающий производит текст 1 и воздействует на сознание человека слушающего.

При порождении текста 1, адресанту (ЧП) необходимо:

- получить и воспринять информацию о действительности 1 (материальной или духовной);
 - переработать / обработать полученные данные на основе своих знаний и социального опыта;
 - систематизировать и структурировать свои идеи / мысли, которые воплощаются в знаковых формах;
 - породить текст 1, отражающий субъективный образ объективного мира и индивидуально-авторскую картину мира.
2. При восприятии текста 1, адресат (человек получающий) должен:
- получить, воспринять текст 1, воплощенный в знаковых формах;
 - через призму своего внутреннего мира провести переработку / обработку полученных представлений о действительности 1;
 - проанализировать внутренний мир автора;
 - систематизировать своё понимание – текст 2, соотнести его с авторским;
 - интерпретировать текст 1;
 - породить свой текст [Янь Кай 2014: 202].

Отметим, вслед за В.И. Постоваловой, что логическое понимание человека порождающего и получающего (интерпретатора) может быть различным; соответственно, для понимания слушающем человека говорящего необходимо некое «объединяющее начало», в роли которого выступает, в первую очередь, «их общий логический мир (мир смысла)» [Постовалова 2014: 13].

Как мы видим, текст выступает как инструмент отражения действительности, с помощью которого начинается диалог между автором (порождающим) и читателем (получающим); в порождении и восприятии текста проявляется человеческое мышление и сознание. Сознание включено в познавательную активность человека, которая «начинается с процесса восприятия, приводящего к конструированию чувственного образа объекта восприятия...» [Тарасов 2014: 24–25].

Отметим, что А.Р. Лурия выделял два уровня восприятия текста: 1. на первом уровне происходят процессы расшифровки воспринимаемых языковых кодов; 2 на втором – процессы расшифровки глубинного смысла, который лежит за воспринимаемым текстом (цит. по [Красных 2012: 292]).

Понимание текста, как отмечал А.И. Новиков в рамках психолингвистики текста, – это сложный мыслительный и психологический процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего «происходит активное перекодирование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, в которой совершается переход от внешних кодов

языка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержание текста как результат понимания» [Новиков 1983: 46]. С точки зрения современной психолингвистики, результатом процесса понимания является «активное преобразование словесной формы сообщения в ментальную структуру, принадлежащую сознанию человека слушающего» [Пешкова 2014: 114].

Отметим, что в психолингвистическом подходе В.В. Красных выделяет следующие уровни понимания текста (см. табл.1⁶):

Таблица 1. Соотношение уровней значения и понимания текста.

Значение текста	Понимание текста
1) поверхностное	1) восприятие формы, понимание прямого значения (<i>восприятие</i>)
2) глубинное	2) понимание непрямого значения дополнительных модусных смыслов, подтекстов и т.д. (<i>понимание</i>)
3) смысл	3) понимание смысла, восприятие концепта (<i>интерпретация</i>)

Совершенно очевидно, что все уровни понимания текста взаимообусловлены, а сам процесс понимания имеет определенную иерархическую структуру, которая проявляется в постепенном переходе от восприятия прямых значений отдельных слов и грамматических форм к пониманию смысла целых высказываний (обладающих – в том числе – национально-культурной спецификой) и затем – к осмыслению общего смысла текста (ср.: при восприятии мы «восходим» (согласно Л.С. Выготскому) от понимания слов к пониманию смысла (цит. по: [Красных 2012: 127]). Иными словами, понимание текста есть переход «от языковых форм к когнитивным» [Новиков 2003: 97].

Итак, подводя итоги, можно сказать, следующие:

1. Взаимосвязь «текст», «человек порождающий» и «получающий» в свете психолингвистического подхода должна рассматриваться как неразделимое единство, т.к. текст – это единица коммуникации, с помощью которой происходит коммуникация между человеком порождающим и получающим. Хочется отметить, что анализ соотно-

⁶ Указанная таблица заимствуется нами из [Красных 2012: 309].

шения «текст», «человек порождающий» и «получающий» не только важен для психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста и др., но и имеет большое значение для преподавания русского языка как иностранного (например, занятия по развитию речи, аудированию и пр.).

2. Феномен «человек говорящий» охватывает в себя феномены «человек порождающий» и «слушающий» (В.В. Красных). На наш взгляд, на основании понятия «человек говорящий» можно определить «человека порождающего» как личность (языковую, речевую и коммуникативную). А также как субъект речи, который порождает свою речь на фоне своей культуры и обладает КБ/ИКП определённого линвокультурного сообщества, членом которого он является.
3. С позиции психолингвистического подхода мы определяем, «человека получающего» как личность (языковую, речевую, коммуникативную), как объект речи, получающий информацию от человека порождающего и охватывающего 3 феномена: человек воспринимающий, понимающий и интерпретирующий. Наконец, «человек получающий» обладает КБ/ИКП определённого линвокультурного сообщества, членом которого он является.

Литература / References

- Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
- Белянин В.П.* Психолингвистика. М.: Флинта: Наука, 2011. – 226 с.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
- Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: ЛКИ, 2007. – 176 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: URSS, 2007. – 148 с.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2008. – 320 с.
- Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. – 160 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Клименко А.П.* Ассоциативное поле и текст // сб. научных трудов: функционирование и развитие языковых систем. Минск, «Вышэйшая школа», 1990. С. 44–46.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и линвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- Красных В.В.* Некоторые базовые понятия психолинвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 167–175.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики. – М.: Гнозис, 2012. – 329 с.
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 248 с.

- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт, – Воронеж: НПО «МОДЕК», 2001. – 448 с.
- Новиков А.И.* Семантика текста и её формализация. – М.: Наука, 1983. – 214 с.
- Новиков А.И.* Текст как объект исследования лингвopsихологии // Методология современной психолингвистики. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, – 2003. С. 91–99.
- Пешкова Н.П.* Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики. – 2014, – 2 (20). – С. 113–122.
- Постовалова В.И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма Фон Гумбольдта. – М.: URSS, 2014. – 256 с.
- Прохоров Ю.Е.* Действительность, текст, дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009. – 240 с.
- Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.*
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
- Тарасов Е.Ф.* Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014, № 4 (22). С. 24–35.
- Ушакова Т.Н.* Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 524 с.
- Янь Кай.* О понимании художественного текста в свете лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2014, № 4. С. 99–205.

**КОД КУЛЬТУРЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦВЕТОВОГО И ЧИСЛОВОГО
КОДОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ)**

*Янь Кай (КНР)
Ван Хунвэй (КНР)*

**THE CODE OF CULTURE AS AN OBJECT OF PSYCHO-LINGUO-
CULTURAL STUDIES
(ON THE MATERIAL OF COLOR CODES AND NUMERIC CODES
IN THE RUSSIAN AND CHINESE LINGUO-CULTURES)**

*Yan Kai (PRC)
Wang Hongwei (PRC)*

ABSTRACT:

This article is devoted to the code of culture as an object of psycholinguo-cultural studies; the article conducted a comparative analysis of the color and the numeric codes in the Russian and Chinese linguo-cultures.

Keywords: culture code, linguo-culture, linguistic consciousness, psycholinguo-cultural studies.

АННОТАЦИЯ:

Данная статья посвящена изучению кода культуры как объекта изучения психолингвокультурологии; в ней проводится сопоставительный анализ цветового и числового кодов в русской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: код культуры, лингвокультура, языковое сознание, психолингвокультурология

Познание окружающего мира и его окультуривание человек начал, вероятно, с самого себя (человека), и через осознание себя человек пришёл к интерпретации действительности, экстраполируя на нее знания о себе, а затем через окультуривание и осознание мира человек вернулся к познанию и описанию самого себя [Красных 2002: 233–234].

Мы живем в сложном информационном мире, создающемся знаками. Знак несет нам информацию о действительности и воздействует на сознание и психику человека [Ян 2012: 77].

Ключевой термин семиотики, науки о знаках и знаковых системах, – это код, он означает «закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака; кодом задается значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет, расшифровывает» [Гудков, Ковшова 2007: 7]. И поскольку, по словам Д.Б. Гудкова, код осуществляет «свою функцию в культуре <...>, в культуре организуется и иерархически упорядочивается *код культуры*» [Там же: 8]. Интерпретатор в содержании знака раскрывает и понимает – в том числе – и культурные смыслы (*выделено нами. – В.Х., Я.К.*).

В современной лингвистике «код культуры» рассматривается в рамках разных дисциплин, в том числе в лингвокультурологической парадигме. По утверждению В.Н. Телия, лингвокультурология посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии, она исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно *действующим менталитетом человека* [Телия 1996: 217–218] (*выделено нами. – В.Х., Я.К.*). В.Н. Телия считает, что лингвокультурология акцентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. Это значит, что лингвокультурология (ЛК) – это наука о человеке, ядром притяжения которой является феномен культуры [Там же: 222], иначе говоря, центральной проблемой ЛК является взаимосвязь «человека», «языка», «культуры».

Культура в данной статье трактуется вслед за В.Н. Телия как «результат восприятия мироздания» [Телия 2010: 776]; это «мировидение и миропонимание народа, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т.к. знак несет социокультурный смысл и влияет на сознание и психику человека, а также отражает реалии мира. М.Л. Ковшова пишет, что культура представляет собой семиотическую систему, в которой «синтезируются знаки и смыслы: знак является носителем того, что было выработано человеком в процессе миропонимания» [Ковшова 2013: 170]. Иначе говоря, культура есть совокупность смыслов.

Смысл создает «пристрастность человеческого сознания» [Леонтьев 2010: 103]. Л.С. Выготский пишет, что сознание «отображает себя в слове <...>. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 2012: 348]. По словам А.Н. Леонтьева, человеческое сознание обязано «своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений» [Леонтьев 1975: 144]. **А языковое сознание**, по мнению Е.Ф. Тарасова, трактуется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [Тарасов 2000: 15], т.е. как «совокупность перцептивных,

концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7].

Как известно, язык и культура сосуществуют в едином коммуникативном пространстве как диалог двух семиотических систем [Телия 1996: 225]. По мнению В.А. Масловой, язык – это продукт культуры, условие её существования, фактор формирования кодов культуры [Маслова 2010: 6]. В.Н. Телия отмечает, что культура, равно как и язык – это формы сознания, которые отображают мировоззрение и миропонимание народа [Телия 1996: 224].

В.В. Красных, продолжая идеи В.Н. Телия, предложила концепцию лингвокультуры. **Лингвокультура** – это та семиотическая система, которая зарождается на стыке двух семиотических систем: языка и культуры. По мысли В.В. Красных, лингвокультура – это «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура, явленная нам в языке и через язык» [Красных 2013: 123]. При этом лингвокультура формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки [там же]. Значит, что лингвокультура, как и язык и культура – это формы сознания, которые отображают мировоззрение и миропонимание конкретного лингвокультурного сообщества.

При этом отметим, что, на наш взгляд, код культуры формируется в семиотической системе лингвокультуры [Ван, Янь 2014: 24]. Термины «лингвокультура» и «код культуры» относятся к базовым понятиям психолингвокультурологии [Красных 2014: 168].

В рамках нового направления психолингвокультурологии В.В. Красных определяет **код культуры** как «формирующую определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы, что обуславливает их функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры» [Красных 2014: 172].

Таким образом, при изучении кодов культуры необходимо учитывать **лингвокультурологический** аспект: в фокусе внимания находится культурная семантика, выявляемая с помощью анализа самих языковых единиц и их функционирования с точки зрения стоящих за ними культурноносных смыслов. Не менее важным представляется и **психолин-**

гвистический аспект: поскольку код культуры по сути своей является феноменом лингвокогнитивным [Ван, Ян 2014: 24].

С учётом сказанного мы в настоящей работе рассматриваем цветовой и числовой коды культуры в русской и китайской лингвокультурах.

В настоящей работе мы опирались на данные «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова [Ожегов, Шведова 2010]. Материалом для нашего анализа послужили контексты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], которые мы частично приводим в данной статье в качестве иллюстраций.

Цветовой код культуры в русской и китайской лингвокультурах

Разные цвета в дополнение к их прямым значениям также имеют многочисленные переносные культурные значения. Такие значения сохранены в сознании носителей языка, в то же время сознание неотделимо от культуры данного народа. В разных странах и разных культурах люди по-разному понимают значения цветов. Каждый цвет является таким же, как код, чтобы интерпретировать особое значение в конкретном языке.

В русском языке и культуре *красный* цвет означает ‘светлый, яркий, хороший, приятный, красивый, ценный’. Например, в русской народной сказке: *красная девица* (红女) означает ‘красивая девушка’ (美丽的姑娘). *Сам хозяин, грозен Стенька Разин. Перед ним красная девица, Полонённая персидская царица.* [История одного песенного сюжета // «Народное творчество», 2003]. У Н.А. Некрасова есть такие слова: *Играйте же, дети, растите на воле. На то вам и красное детство дано* [Крестьянские дети (1861)]. *Красное детство* (红色的童年) – приятное детство (美好的童年). В стихотворении С.Д. Дрожжина встречаются строки: *Хорошо весной, красен белый свет, на простор душа прорывается...* Выражение *красен белый свет* (白的人间红) значит ‘прекрасный мир’ (人间多美好). Когда в литературе нам встретилось *красное окно* в значении ‘самое большое и светлое окно’: ... *отвечают девушки, трепеща от страха: сквозь хрустальное красное окно видно, как молния палит небо* [А.Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира (1837)].

В русском языке есть словосочетания *красный цветок, красная одежда, красный платок* и т. д. Вместе с этими словосочетаниями появилось и новое однокоренное слово *красивый*, вытеснившее слово *красный* в этом значении. Итак, *красный* цвет в русской культуре имеет значение ‘красивый’.

В русском языке есть пословица *Красна птица опереньем, а человек умёнём*, которую следует понимать так: ‘Птица красива опереньем,

а ценность человека определяется его способностями' (鸟以羽毛为美, 人以技能为高), а в пословице *Не красна изба углами, а красна пирогами* слово *красный* имеет значение 'хороший' и 'гостеприимный'.

В Древней Руси *красный* цвет рассматривает как символ жизни, радости, праздника. В иконописи он имеет различное значение: например, *красный плащ Георгия Победоносца* – как знак царской власти и одновременно – символ мученичества.

В китайском языке *красный* – цвет удачи, счастья, любви и жизни, который помогает защититься от злых сил, именно поэтому он всегда используется в праздничных, торжественных событиях. Так, невеста в день свадьбы надевает *красное платье* (红旗袍), а саму свадьбу называют *красным событием* (红事). Во время встречи Нового года дом украшается *красными фонариками* (红灯) и китайцы развешивают на дверях добрые пожелания, написанные *на красной бумаге* (贴春联). Деньги принято дарить в *красном конверте* (红包).

Красный цвет понимается как политический символ Китая и, как и для русских, он может ассоциироваться с революцией и коммунистической партией, например: *красная политика* (红色政权), *красная армия* (红军), *красный пролетариат* (红色的无产阶级), *красная звезда* (红星), а также *красная песня* (红歌) = 'революционная песня'. Эти выражения являются уникальными для китайского и русского языков.

Отметим, что под влиянием буддизма в китайский язык вошло выражение *красная пыль* (红尘), которое означает 'человеческий мир, всё мирское'.

Вместе с тем, *красный* цвет имеет негативное значение. Например, устойчивая ассоциация *красный конверт* = *деньги* вызвала в последнее время другое переносное значение у словосочетания *получить красный конверт* = 'взятка'. См. также: *красные глаза* (眼红) – так говорят о завистливом человеке; *красное лицо* (红脸) – о смущенном или рассерженном человеке.

В русском и китайском языках *белый* цвет несет как положительное, так и отрицательное значение. Слово *белый* в русском языке означает 'светлый, чистый, прозрачный, непорочный'. Например:

белый ангел (白的天使) = 'добрый ангел' (善良的天使): *Но ты белый ангел, потому и ушел молодым, ты не пил* [Виктор Козько. И никогда, кто бы видел мой страх... (1999)];

белая изба (白农舍) = чистая изба, светлое помещение (明亮的房子). Выражение пошло от традиции выбеливать избу, как правило, перед религиозными праздниками;

белая кость (白骨头) = человек знатного происхождения. Это выражение также своими корнями уходит в давнюю историю и имеет при этом несколько интерпретаций происхождения. (伟大的十月社会主义改革以前, 用白色词称谓处于上层社会的贵族): *Геры не рыбачили, геры жили в Привольном или Ленкорани в основном, белая кость, бухгалтерия, торговля, инженеры...* [Александр Иличевский. Перс (2009)].

После Октябрьской революции слово *белый* приобрело новое значение – ‘контрреволюционный, действующий против советской власти или направленный против неё’. В языке появились новые словосочетания: *белая армия* (白军), *белая гвардия* (白匪军), *белый террор* (白色恐怖), которые вступают в антонимические отношения с *красная армия* (红军), *красная гвардия* (赤卫军), *красный террор* (红色恐怖).

Белый цвет ассоциируется также с неудачей. В военных действиях поднимать *белый флаг* (白旗) = ‘признавать себя побеждённым’, в таком случае *белый* цвет – сигнал капитуляции: *После начала штурма экстремисты выбросили белый флаг* [Штурм завершен, заложники освобождены // «Известия», 2002].

Когда русские говорят *белые ночи* (白夜), они подразумевают ‘светлые ночи’ (明亮的夜晚), которые наступают летом в Заполярье (также в Санкт-Петербурге).

В качестве иллюстраций приведем следующие примеры:

белая квартира (白房子) = ‘пустая, бедная квартира, в которой мало ценных вещей’; *начинать с белых рук* (白手起家) = о человеке, который создал что-то на пустом месте; *белая одежда* (白衫) = ‘простой народ’; *белая речь* (白话) = с одной стороны, означает ‘пустую болтовню’, с другой – ‘речь правильную, соответствующую нормам грамматики’; *белый лист* (白纸) = ‘незаполненная анкета или невыполненная экзаменационная работа’; *ангел в белой одежде* (白衣天使) = ‘медсестра’; *посмотрел белыми глазами* (白眼) = ‘посмотрел с недовольством’;

Это слово в китайском языке, в отличие от русского, может использоваться с глаголами для характеристики какого-либо действия и в этих случаях имеет значение ‘напрасно, зря, безрезультатно’, например, *бело говорил* (白说了) = ‘напрасно говорил’; *бело поел* (白吃了) = ‘поел, но не возникло ощущения сытости и не появились силы’.

В русском языке *чёрный* означает ‘цвет сажи или угля’. Вследствие этого в русской речи часто употребляются сравнительные обороты *чёрный*, как сажа, как смоль. Слово *чёрный* так же многозначно, как *белый*. Оно прежде всего связано со значением ‘тёмный по цветообозначению’: *чёрный лес* (黑森林) употребляется в значении ‘тёмный лес’.

Темнота всё скрывает. Поэтому всё, что должно быть скрыто от человеческих глаз, определяется словом *чёрный*: *чёрные мысли* (黑想法), *Медленно и уверенно на него надвигалось его безумие, его чёрные мысли, на глазах обретшие плоть и облик – именно для того, чтобы он мог наконец с ними покончить* [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]; *чёрная зависть* (黑色嫉妒), *Может, эта самая чёрная зависть и не давала ему спать спокойно?* [Андрей Житков. Супермаркет (2000)]; *чёрные дела* (黑事), *Вернее, каждый вечер. Чёрные дела На чёрный цвет можно ворчат бесконечно* [Новости модной лавки // «Домовой», 2002]; *чёрная душа* (黑心), – *Вся твоя чёрная душа на его роже нарисована* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)] и др. Так это слово приобрело отрицательную коннотацию ‘злостный, коварный’.

Сравните также: *чёрный рынок* (黑市) = нелегальный рынок, на котором совершаются спекуляции: *Чёрный рынок земли существует, некоторые чиновники берут взятки, переоформляя права владельцев паёв* [Владимир Плотников. Надо уметь держать удар (2002) // «Аграрный журнал»]; *чёрные списки* (黑名单) = тайно составленные списки неугодных властям лиц для расправы над ними: *Лавстон окончательно попал в кремлевские «чёрные списки»* [Сергей Мехов. Переметчик // «Совершенно секретно», 2003].

В словосочетании *чёрный строй* (黑制度) отмечается коннотативное значение ‘крайне реакционный’, ‘контрреволюционный’. Сравните также: *чёрная реакция, чёрная контрреволюция*. В этом значении слово *чёрный* почти синонимично со словом *белый* (в политическом значении).

Чёрный цвет часто наводит людей на мысль о грязи: *чёрное лицо* (黑脸) = грязное лицо. Словосочетания *чёрная изба* (黑农舍) и *чёрная баня* (黑浴池) = курная изба и баня, которые очень легко загрязняются дымом. В этом значении они противоположны *белой избе* и *белой бане*. *Чёрная работа* (粗活) – это грязная, тяжёлая, физическая работа, не требующая особого умения и знаний. *Чёрную работу* обычно выполняли *чёрные слуги* или *служанки*: *На одном берегу выполнялась грубая, чёрная работа*. [Виктор Мясников. Водка (2000)]. Вследствие этого до революции *чёрным* народом называли народ, принадлежащий к низшим слоям общества и занимающийся тяжёлым физическим трудом.

Чёрный цвет в русской культуре символизирует – траур, печаль. В XIV–XV веках он выступает как качество символа скорби в одежде.

Чёрный цвет – это самый мрачный цвет. Он ассоциируется с несчастьем, печалью и даже смертью. Например: *чёрная судьба* = несчастная, горькая судьба, *чёрное время* – это тяжёлое время, связанное с трудностями и невзгодами.

В дореволюционной России голосование при выборах предводителя дворянства осуществлялось не при помощи бюллетеней, а *чёрными* и *белыми шарами*, которые опускались в урну. *Белый шар* – голос «за», *чёрный* – «против». Поэтому *чёрный шар* = избирательный шар, означающий голос против.

В средние века у русских в суеверных представлениях *чёрный* имел значение ‘чародейский, колдовской, связанный с нечистой силой’. В русском языке появились выражения *чёрная книга* = колдовская, волшебная книга, *чёрная сила* = нечистая сила, *Чёрная магия* = волшебство, чародейство с помощью нечистой силы.

Русскую поговорку *Между ними пробежала чёрная кошка* мы должны понимать как ‘они поссорились’, так как по старинным народным приметам *чёрная кошка* якобы вызывает размолвку между людьми.

В китайском языке слово *чёрный* (黑) имеет негативное значение. Показательно в этом смысле выражение *отличать чёрное от белого* (‘отличать добро от зла’), где *чёрный* цвет ассоциируется со злом, а *белый* – с добром. Слово *чёрный* может быть связано с чем-то недобрым, нежелательным, незаконным, нелегальным. Например: *чёрное сердце* (黑心) = о плохом человеке, как в русском языке *чёрная душа*; *чёрная рука* (黑手) = ‘человек, который тайно руководит какими-то неблагоприятными делами’; *чёрный человек* (黑人) = ‘человек без документов’; *чёрная машина* (黑车) = ‘машина без номерного знака’; *чёрные деньги* (黑钱) = ‘деньги, полученные незаконным, преступным путем’; *открыть чёрный магазин* (开黑店) = ‘создать торговую точку, где каким-либо образом нарушается закон’; *чёрное общество* (黑社会) = ‘мафия’; *чёрный гость* (黑客) = ‘хакер’.

Выбивается из этого ряда выражение *黑色食物* (*чёрные продукты*) – так называют продукты с более высокой питательной ценностью.

Некоторые коннотативные значения данного цветообозначения совпадают со значениями в русском языке: *чёрный список* (黑名单); *чёрный рынок* (黑市) и др.

В русском языке *жёлтый* цвет воспринимается как радостный, солнечный, весенний цвет. Свадебный наряд у русских состоял из *жёлтого летника* и *красного сарафана*. Начиная с XVIII века у *жёлтого* цвета формируется отрицательная символика, которая связана с эпидемией лихорадки и вызываемыми ею жёлтыми галлюцинациями. У больного цвет кожи часто бывает *жёлтым*, и мы можем слышать: у него нездоровый, *жёлтый цвет лица*. И даже больницу для душевнобольных когда-то называли *жёлтым домом*. Этот цвет становится цветом лжи, обмана, поэтому дарить *жёлтые* цветы любимым стало считаться плохой приметой (к разлуке), что сохранилось и до наших дней.

На этой основе слово *жёлтый* приобрело и коннотативное значение ‘предательский, продажный’, и в русском языке появилось словосочетание *жёлтый профсоюз*, обозначавшее ‘профсоюз, который идёт на компромисс с капиталистами’. А *жёлтая пресса* – это беспринципная пресса, в которой печатаются лишь бульварные новости.

В китайском языке *жёлтая пресса* и *жёлтая книга* понимаются не так, как в русском языке: это порнографическая литература, приводящая людей к разврату, поэтому в Китае такие издания строго запрещены. Таким образом, *жёлтый* цвет в современной социокультурной ситуации Китая получает второе коннотативное значение: ‘секс’. Например: *黄色文化* (*жёлтая культура*) – это значит ‘сексуальная культура’, *黄片* (*жёлтый фильм*) – это ‘фильм о сексе’. Связь с сексом и эротикой улавливается и в русском словосочетании *жёлтый билет*, что означало ‘паспорт на жёлтом бланке, выдававшийся проституткам в дореволюционное время’.

Однако *жёлтый* цвет – это и цвет осени, когда увядают цветы, желтеют листья и трава, так что этот осенний цвет ассоциируется с чувством тревоги, опасения и печали. Не случайно поэтому в Китае, как и во многих других странах, *жёлтый* цвет является символом, сигналом для предупреждения о чём-нибудь, например, *жёлтый* свет светофора предупреждает о наступающем прекращении движения; во время футбольных матчей *жёлтой* карточкой судья предупреждает игрока о грубом нарушении правил игры.

Но *жёлтый* цвет – это и цвет золота. Для китайцев *жёлтый* цвет символизирует богатство и власть. Китайский император всегда ходил в жёлтой одежде с изображением дракона.

Жёлтый цвет в китайском языке символизирует терпение, мудрость, накопление опыта и власть. Он стимулирует умственную энергию. *Жёлтый* считается очень благоприятным цветом, так как он так же, как *красный*, содержит много энергии *ян*. В древние времена в Китае, как уже отмечалось, он считался императорским цветом, так что простые люди не имели права носить одежду жёлтого цвета, и поэтому более популярным в народе стал красный. *Жёлтый* цвет считается цветом беззаботного счастья, поэтому на праздники принято дарить букеты жёлтых хризантем.

Слово *зеленый* символизировало на Руси юность и цветение. Купола церквей окрашивались в зелёный цвет. Иногда в иконописи являлся символом неба.

В быту выражения *зеленый человек* означает моральную незрелость, то есть сохраняет свое значение ‘молодой’: *В это время вышел на крыльцо дворник, худенький и зеленый человек, с большим ястребиным носом и серьгой в ухе, и объявил мне, что готов самовар* [А.И. Эртель.

Записки Степняка (1883)]. В системе дорожных знаков это свободный путь. Именно поэтому указанный выше фразеологизм *зелёная улица* стал обозначать 'свободный путь для транспорта на всём протяжении и отсутствие препятствий, задержек для осуществления чего-нибудь'.

Когда говорят о человеке *Он ещё зелёный*, имеют в виду юного, не достигшего зрелости, неопытного человека. Тут *зелёный* – 'молодой', и в слове *зелёный* присутствует оценочно-коннотативная сема 'незрелый, неопытный'. Например: *зеленый юнец* (绿的少儿) означает, что молодой человек не имеет опыта жизни; *зеленый гимназист* (绿的中学生) понимается как маленький школьник, *зеленая молодость* (绿的青年时代) – как ранняя молодость. Правда, в последнее время *зелёный* цвет также ассоциируется с долларом, так как цвет доллара зелёный.

В китайском языке *зелёный* цвет означает 'натуральный' и 'неверный'. Например: никогда не предлагайте китайскому мужчине *зелёную шапку* (绿帽子), т. к., по приметам китайцев, у носящего зелёную шапку неверная жена. И в последнее время китайцы часто используют такие выражения, с которыми ассоциируются натуральные продукты, экологически чистые и без химических загрязнений. Например: *绿色食物* (*зелёные продукты*), *绿色蔬菜* (*зелёные овощи*), *绿色农业*, *绿色建筑* (*зелёное сельское хозяйство и зелёное сознание*).

Растительность, особенно лес, имеет большое значение для охраны природы. Растения составляют важнейшую часть экологической среды, необходимой для обитания человека и всего живого на земле. В связи с этим во многих странах мира созданы организации по защите природы, по охране мировой экологической среды. С этой же целью китайский народ ведёт работу по озеленению страны: сажают деревья, создают зоны лесов, строят Великую зелёную стену.

В русском языке слова *синий* и *голубой* ассоциируются с дворянством. Например: *голубая кровь* (蓝血) означает 'аристократическое происхождение' (贵族出身): *Но из этого отнюдь не следует, что у предков Александра Даниловича и у него самого в жилах текла голубая кровь* [Н. Павленко. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // «Наука и жизнь», 2006].

Кроме того, *голубой* имеет значение 'счастье, мечта о будущем', например: *синяя птица* (蓝色的鸟) – 'птица любви' (指亲福与爱情之鸟); *голубой день* (蓝色的天) – 'спокойный день' (安详的日子); *голубая мечта* (青蓝的梦想) – 'мечта, которую сложно и трудно реализовать' (美好的梦想, 无法实现的幻想).

В русском языке можно встретить следующие сочетания со словом голубой: *голубые дороги* – 'речные или водные пути': ... и побегут шелковистые розовые, и желтые, и голубые дороги, и среди лесов будут

краснеть острые черепичные крыши ферм, отелей и городов – тогда забудется многое, забудется бедность, приниженность избушек, бездорожье, одно не забудется – не забудется Калевала и великий дух Вяйнемейнена, осеняющий эту прекрасную страну, и имена сказителей, несших этот дух сквозь столетия [Юрий Казаков. Калевала (1962)]; *голубой стадион* – ‘плавательный бассейн’; *голубой городок* – ‘комплекс спортивных водных сооружений’; *голубой континент* – ‘водное пространство, дно океанов’; *голубые плантации* – ‘пруды для разведения рыбы и других водных животных’.

Нужно отметить, что во всех этих случаях оно как бы заменяет научно точные определения *газовый, речной и водный* и становится их экспрессивным синонимом, употребляется в газетно-публицистическом стиле речи.

Слово *голубой* ассоциируется с цветом чистого, ясного неба. Но в определённых словосочетаниях *голубой* может иметь значение серый: *голубая лошадь, голубой песец, голубая белка*. Как же могло возникнуть такое значение? Оказывается, что слово *голубой* связано со словом *голубиный* и когда-то означало *сизый*, серый, т. е. цвет голубя. Эта семантическая связь слова *голубой* сохраняется в немногих сочетаниях. В наиболее употребительном сочетании *голубой песец* прилагательное *голубой* воспринимается не как определитель особого цвета, а как определитель особого оттенка цвета – серый с голубым отливом, серо-голубой. Менее распространённое сочетание *голубая лошадь* – лошадь пепельного цвета, сходного с цветом мыши.

Само же слово *голубой*, как обозначающее цвет, приобретает значение ‘ясный, безоблачный, нежный’ и т. д. *Голубое утро* – ‘светлое, ясное, безоблачное утро’.

Прилагательное *голубой* в ряду определений того или иного предмета часто приобретает символическое значение. В этих случаях *голубой*, сохраняя оттенки цветового характера, как бы вносит новое значение. Так возникает целая группа экспрессивных сочетаний: *голубой огонь, голубое топливо*.

Цвет газового пламени подсказал образное определение газовому огню – *голубой огонь*. *Голубой огонь* определил и образное название профессии газопроводчиков: *люди голубого огня*.

Голубой экспресс – так образно называют поезда метро по их постоянной голубой окраске: *Большой голубой экспресс» хмурым декабрьским утром стремительно летел по своему обычному маршруту Париж — Ницца* [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)].

Голубой и синий в китайском языке означают ‘цвета неба и моря’. Например, *небо* в китайском языке дословно будет ‘голубое небо’

(蓝天), т. е. первая морфема с цветовым значением 'голубой', вторая морфема – это 'небо'. См. также 青天 (букв. перевод: 'синее/голубое/зелёное небо'): прямое значение – 'чистое (ясное) небо' (образно также о чистоте души или помыслов), переносное значение – 'честный чиновник', 'неподкупный судья'.

Выражение *голубое сельское хозяйство* (蓝色农业) понимается как 'марикультура'. Здесь слово *голубой* имеет значение 'море'. Ещё отметим, что в древнем китайском языке отсутствовали слова *голубой* и *синий*, и данные цвета обозначались как 'ярко-зелёный цвет'.

Итак, как мы видим, лексика из области цветообозначений не может быть просто переведена на другой язык, её необходимо объяснять с помощью социоисторических и лингвокультурологических комментариев. Причём семантизация должна касаться не только основного, но и переносных значений, чтобы передавался образный смысл.

У разных народов в процессе их культурного развития предметы или явления мира порождают либо одинаковые, либо различные ассоциации. Источники этих ассоциаций могут входить в ядро национальной культуры и являться концептуально значимыми феноменами, следовательно, необходимо изучение их осмысления в культуре и научное описание их закрепления в знаках языка.

Числовой код культуры в русской и китайской лингвокультурах

Мы рассматриваем некоторые особенности числового кода культуры в русской и китайской лингвокультурах.

В современном русском языке кроме количественного значения число *один* имеет коннотативные значения, например, во фразеологизмах *один-одинешенек*; *один как есть*; *один на один*; *одним-один* и т. п., здесь слово *один* выражает 'одинокость и единичность': *Уйду я от тебя, и будешь ты совсем один-одинёшенек задыхаться в темноте неопределённости!* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]; – *Нет, вешнее время ничего, хорошо, – тихо сказал нищий. – Идешь полем, большаком... один, как есть... Опять же солнушко, тепло...* [И.А. Бунин. Весенний вечер (1914)]; *Другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился, ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один...* [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь», 2002]; *Стоял ведь он крепко на ногах, умывался сам, в садик выходил покурить, но даже издалёка выглядел так, как если бы в лазарете, где избавлять и лечить должны были от болезней, напротив, пребывал со своей болезнью один на один и не получал хоть какого-то облегчения* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

А в пословицах *один в поле не воин; один с сошкой, а семеро с ложкой*; семеро одного не ждут слово *один* означает ‘меньшинство, слишком малое количество’: *Человек в поле – всегда на виду и всегда среди людей: один в поле не воин* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]. В счётной системе исчисление начинается со слова *один* или *первый*, а *один* или *первый* в качестве первого числа играют важную роль в речи. Например, в русском языке *первая ласточка* означает ‘самый первый (в ряду последовавших за ним), первое проявление чего-л., предвестник’: *Вчера мы смотрели этот замечательный фильм, он звучал, как первая ласточка в новом сериале на военно-патриотическую тему, и она сделала весну* [С. Атасов. 1000 золотых анекдотов (2003)]. А в китайском языке ласточка понимается как вестница весны, поэтому *первая ласточка* стала символом значения ‘первых признаков чего-то радостного или готовящихся благоприятных событий и перемены к лучшему’.

В русском языке число *два* имеет символические значения – ‘парность, четность, удвоение, двойничество и получает преимущественно отрицательную оценку, считается дьявольским числом; реже оценивается положительно’ [Толстая ЭР]. Например, *два сапога пара* означает ‘один другого не лучше; по своим качествам похожи друг на друга’: *Они с нашим Корнеевым – два сапога пара, оба без царя в голове* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]; *чёрта с два* выражает категорическое возражение, отрицание или несогласие: *Уж за тысячи-то лет можно было привыкнуть к запретам? <...> Чёрта с два. Поглядите вокруг – убивать можно* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]. А китайцы, наоборот, воспринимают чётное число как счастливое. Обычно они дарят что-либо в чётном количестве: две вазы, две бутылки вина. Это связано с тем, что, с точки зрения китайцев, *два* составляет пару, а *пара* всегда рассматривает как символ счастья.

В Китае считают, что *два* = пара (双/对/两) – это солнце и луна, пара – это небо и земля, пара – это дракон и феникс в древнем китайском предании; утки-мандаринки всегда плавают парами; если цветы лотоса цветут парой на одном стебле, то это символизирует верную любовь. Подобные пары (一对儿) в китайской культуре и языке означают ‘супружескую чету и неразлучную жизнь супругов’. Также, в китайской разговорной речи число *два* имеет другое значение, например, *этот человек очень два* (这个人很二) означает ‘этот человек немного глуп’.

В русском языке чаще используется число *три*. Прежде всего наблюдается в устойчивых выражениях: *согнуть в три погибели* – ‘очень сильно притеснять кого-либо’; *заблудиться в трёх соснах* – ‘не разобратся в самом простом, элементарном вопросе’. Число *три* рассмат-

ривается как условное число для выражения большого количества. Например, в пословице: *не узнай друга в три дня, узнай в три года; без троихи дом не строится* и другие; в фразеологии: *за троих. Поздравляю вас с новым поваром... Я приеду к Вам скоро... и буду есть за троих* [А.П. Чехов, Письмо А.С.Суворину, 1 окт. 1891]; *с три короба: Или заняты, или прячутся от нас местные витии, наобещавшие с три короба* [Виктор Астафьев. Затеси (1999)].

В повседневной жизни русские люди слышат или говорят о том, что, чтобы избежать неудачи, надо повернуть голову к левому плечу и сразу сплунуть *три* раза и постучать по столу *три* раза. В социальном этикете русские люди встречают друг с другом и целуются *три* раза в знак приветствия и благословения. Эти акты уже сформировались как особый ритуал в русском национальном сознании.

Число *три* в китайской лингвокультуре считается совершенным, многократным числом, *три* широко используется в различных китайских выражениях. Например, Лао-цзы сказал '*Дао рождает одно (нерасчленённое единство), одно рождает два (раздвоенность), два рождает три (триаду), от трёх рождаются все существа (вещи)*' (道生一, 一生二, 二生三, 三生万物). По китайским поверьям, есть *три звезды* (福祿寿三星), которые символизируют *трёх богов* – бога счастья (福星), бога служебного положения (祿星) и бога долголетия (寿星). По древнему китайскому обычаю с 11 часов вечера до часа ночи несла вахту третья ночная стража, поэтому китайцы стали называть глубокую ночь *третьей стражей*.

В представлении китайцев *один* – это начало, *два* – середина, а *три* – конец, то есть завершение чего-нибудь, так что слово *три* выражает предел, большую степень проявления или завершение чего-нибудь, например, в китайском языке: 事不过三 (shì bù guò sān) = *дело не делается больше трёх раз*; 三个和尚没水吃 (sān gè hé shàng méi shuǐ chī) = *три монаха живут вместе, никто из них не хочет идти за водой*; 三人行必有我师 (sān rén xíng bì yǒu wǒ shī) = *среди трёх идущих один наверняка окажется моим учителем*; 三思而行 (sān sī ér xíng) = *во всяком деле надо трижды подумать*.

Число *четыре* отражает важные понятия для человеческой жизни. Известно, что в году *четыре* времени года: весна, лето, осень и зима; выделяют *четыре* стороны света: север, юг, восток и запад; в природе *четыре* стихии: воздух, огонь, вода и земля (заметим, что в китайской культуре выделяют пять стихий (У-син) – металл, дерево, вода, огонь и земля). Однако числительное *четыре* в меньшей степени коннотативно окрашено. По сравнению с другими числами, оно входит лишь в немногочисленные выражения: *в четырёх стенах сидеть (жить)* – 'нахо-

даться в полном уединении, не общаясь ни с кем': *Ничего, привыкай, привыкай, Дунюшка, не все же в четырех стенах сидеть, придется и выпрыгнуть из родительского гнездышка* [П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]; *идти на все четыре стороны* – 'идти в неопределённом направлении, куда глаза глядят': *Ты можешь в любое время идти на все четыре стороны, но деньги я, конечно, беру...* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

А в китайском языке число *четыре* имеет негативное значение, потому что созвучно со словом *смерть*. В связи с этим китайцы не любят использовать это число, как русские не любят число *тринадцать*.

Числительные *пять*, *шесть* и *восемь* как в китайском языке, так и в русском языке встречаются лишь в отдельных коннотативно окрашенных словосочетаниях. В китайском языке мы находим такие выражения: *пять основных зерновых культур (рис, пшеница, кукуруза, чумиза и гаолян и зерновые культуры вообще); пять металлов (золото, серебро, медь, железо и олово, а также все металлы вообще)*, в определённых случаях *пять металлов* в китайском языке обозначают скобяные изделия; *пять стихий* в китайской космологии – это металл, дерево, вода, огонь и земля. В русском языке слово *пять* входит в такие выражения: *знать кого- / что-либо как свои пять пальцев* – 'знать хорошо, обстоятельно'; *нужен как пятое колесо в телеге* или *нужен как собаке пятая нога* – о чём-то лишнем, ненужном; фразеологизм *с пятого на десятое* имеет значение 'сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказывать что-либо'.

В китайском языке число *шесть* имеет коннотативное значение, символизируя благополучие и удачу, а *восемь* символизирует богатство. Поэтому в повседневной жизни китайцы активно пользуются с этими числами. Например, они часто заказывают номер 6 или 8 в гостинице. Счастливым считается также телефон, начинающийся с цифры 8.

В русском языке числительные *шесть* и *восемь* редко употребляются в коннотативном значении. Число, состоящее из нескольких шестёрок, считается у русских и в ряде других культур недобрый: 666 воспринимается как знак дьявола, нечистой силы. Выражение *восьмое чудо света* приобрело значение 'что-то удивительное, грандиозное'. В древности *семь чудес света* вошли в сознание людей, а новое замечательное достижение называется *восьмым чудом света*, см. http://frazeolog_ru.academic.ru/73/%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%B5

Число *семь* с древних времён играет важную роль в сознании и жизни людей. Оно считалось волшебным и даже сакральным, т.е. священным у разных народов мира.

Слово *семь* содержится во многих устойчивых словосочетаниях и выражениях, потому что в глубокой древности число *семь* было связано с мифическими представлениями, которые почти во всех европейских традициях приписывали ему мистические свойства приносить счастье и удачу людям [Тань Линь 1996: 317].

Если мы обратимся к русским песням и сказкам, то мы найдём такие образы, как *семиглавая гидра*; храбрец, который *одним махом семерых побивахом*; а также такие выражения, как *семимильными шагами*, *у семи нянек дитя без глазу*, *у семи царей по семи дочерей* и шуточное *было у тёщеньки семеро зятьёв*.

В современном русском языке число *семь* входит во многие пословицы и поговорки: *семеро одного не ждут* – ‘меньшинство должно считаться с большинством и уважать его’: – *Это ведь, кстати, вполне в духе «восьмерки» в Денвере*, – неожиданно сказал он. – *И потом, семеро одного не ждут. Я уж не говорю о том, что семь раз отмерь – один отрежь* [Андрей Колесников. Восьмое чудо цвета (1997) // «Столица»]; *за семь вёрст киселя хлебать* – ‘отправиться в далёкий и трудный путь по пустом делу’: *За семь вёрст киселя хлебать обычно не едут* [Евгений Марголин. Сверка часов // «Витрина читающей России», 2002]; *седьмая вода на киселе* = *шутливо*, об очень дальней родне: *Выяснилось: никакие они не жена и дочь, а так, дальняя родня. Седьмая вода на киселе. Батрачат за несколько мешков картошки да за прокорм во время найма* [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)]; *он семи пядей во лбу* – ‘об очень умном, мудром человеке’: *И никакой школьный электрик, будь он семи пядей во лбу, с подобным положением не справится* [Электричество: доставить и распределить // «Наука и жизнь», 2007]; *семь вёрст до небес* = *шутливое*, наговорить, наобещать и не выполнить: – *Да какой-какой... Не видать в темноте, какой... Семь вёрст до небес, и все пехом* [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)]; *за семью печатями* = о тщательно спрятанном, недоступном: *Но это – скорее по западным меркам, у нас они до сих пор были за семью печатями* [Леонид Семеняка. Как слеза. Российское правительство хочет быть прозрачным // «Известия», 2003].

В китайском языке число *семь* ассоциируется с мужской силой космогонии. В языке возникают выражения, связанные с числом *семь*: *семь начал* (七元) – солнце, луна и пять больших планет; *семь наставлений* (七教) – об отношениях между отцом и сыном, старшим и младшим братом, мужем и женой, государем и подданным, старым и молодым, между друзьями, между хозяином и гостем, 7-го числа седьмого месяца (七月初七, 七夕节) по лунному календарю отмечается китайский ‘день любви’. По поверью китайцев, в этот день божества звёзд *Пастух* (牛郎) и *Ткачиха* (织女), разделённые Млечным Путём, с по-

мощью сороки встречаются как супруги. Китайцы, в соответствии со своими обычаями, соблюдают семь периодов траура по умершему в течение семи семидневок, то есть 49 дней после смерти.

В китайской культуре, *девять* – священное число. Оно имеет особое символическое значение. Оно созвучно со словом *долгий*. Поэтому оно считалось числом китайского императора, предрекающим ему долгое господство. Древние китайцы считали, что они получили свою власть из рук богов, с *девятого* неба (九天), и старались связать всё императорское и дворцовое бытие с числом *девять*. Например, во дворце стояла стена с изображением *деяти* драконов, император *девять* раз в год чтит память своих усопших предков.

В русском языке *девятый вал*¹ по старинному народному поверью означает самую сильную и опасную волну во время морской бури, *девятый вал* выражает символ грозной опасности или наивысшего подъема чего-либо [ЭС]. Отсюда у русских пошла поговорка: *Девятая волна добывает*. Вот почему русские называют *девятым валом* всё самое могучее, опасное и губительное, например, самое кровавое сражение войны, наиболее мощный из порывов бури.

Число *тринадцать* для русских давно выражало негативное значение (*чертова дюжина*), это число ассоциируется с несчастьем, неудачей и бедой. А в китайском языке число *тринадцать* употребляется как обычное простое числительное.

Таким образом, числовой код культуры в русской и китайской лингвокультурах имеет различное историческое и социокультурное наполнение. Числовой код культуры в обеих лингвокультурах не только определяет количество предметов или лиц, но и выступает как знак «языка культуры» в культурно-коннотативных смыслах.

Подводя итоги, можно сказать следующее:

1. Цветовой и числовой коды культуры принимают участие в формировании языковой картины мира определённого народа. Вслед за В.В. Красных мы считаем, что код культуры: 1) является совокупностью знаковых единиц, объединённых определённым свойством окружающего мира; эти единицы обозначают какие-либо объекты, явления и предметы мира; 2) проявляется в системе лингвокультуры, при этом за кодом стоят культурносные смыслы, формирующие фрагмент языковой картины мира того или иного лингвокультурного сообщества.
2. С позиции психолингвокультурологии мы предлагаем рассматривать следующие уровни при анализе кодов культуры (см. Таблицу 1).

¹ «Девятый вал» – одна из самых знаменитых картин Ивана Айвазовского, всемирно известного художника-мариниста.

Таблица 1. Уровни анализа кодов культуры

1	Языковой/знаковой уровень	В фокусе внимания – код культуры выражен определёнными знаковыми единицами (например: ФЕ, тексты и др.).
2	Культурно-смысловой уровень	В фокусе внимания – за кодом культуры стоят культурносные смыслы (раскрывается через анализ метафоры, символы и т. д.).
3	Когнитивно-ассоциативный уровень	В фокусе внимания – культурносные смыслы кодов культуры формируют языковую картину мира определённого народа и т. д.

Как видим, все уровни понимания кодов культуры взаимообусловлены. Понимание кодов культуры есть переход от языковых форм к когнитивным (т. е. к сознанию человека). Следовательно, изучение кодов культуры в свете психолингвокультурологического подхода может помочь выявить культуросносные смыслы, стоящие за знаками «языка культуры», и понять ментальное пространство носителя того или иного народа, а также увидеть его мировидение и миропонимание того или иного народа.

- Ещё раз хочется подчеркнуть, что сегодня наука нуждается в разработке интегративного подхода как к языковым, так и к ментальным единицам. Такой **психолингвокультурологический** подход, который разрабатывает В.В. Красных, позволяет сделать новые шаги к раскрытию взаимопонимания в условиях межкультурных коммуникаций различных языков, сознаний и культур.

Литература / References

- Ван Хунвэй, Янь Кай.* Цветовой код культуры в формировании языковой картины мира (на материале китайского языка) // Язык, сознание, коммуникация, Вып. 49 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 18–25.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2012. – 352 с.
- Гудков Д.Б., Ковиова М.Л.* Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
- Ковиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: код культуры. М.: URSS. 2013. – 453 с.

- Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122–130.
- Красных В.В.* Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 50 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 167–175.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат. 1975. – 304 с.
- Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл; издательский центр «Академия», 2010. – 511 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2010. – 202 с.
- Национальный корпус русского языка [НКРЯ, Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. Дата последнего обращения: 13.08.2015.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2010. – 944 с.
- Тань Линь.* Лингвострановедение. Чанчунь: Издательство «Цилиньский университет» 1996. – 718 с.
- Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания, 2000. С. 24–32.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯРАН, 1996. С. 7–22.
- Телия В.Н.* Послесловие, замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 776–782.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Толстая С.М.* Славянская мифология – числа. [Электронный ресурс (ЭР)] URL: <http://pagan.ru/slowar/ch/chislo8.php>. Дата последнего обращения: 13.08.2015.
- Электронный словарь [ЭС]: Словари и энциклопедии на Академике, URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D1%8F%D1%82%D1%8B%D0%B9+%D0%B2%D0%B0%D0%BB&from=xx&to=ru&did=&stype>. Дата последнего обращения: 13.08.2015.
- Янь Кай.* Отражение образа мира во внутренней форме иероглифического письма // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2012. Вып. 45. с. 77–86.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ: КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

А. И. Изотов

NEW TRENDS IN SLAVISTICS: CORPORA STUDIES

A.I. Izotov

ABSTRACT:

Main differences between scientific and liberal arts discourse are considered. Philological discourse might be both scientific one and humanitarian one depending on the character of the object of analysis. The development of corpus-based technologies in all Slavic countries contributes to the shift of philological researches array located on the axis “arts” – “sciences” towards “sciences”.

Keywords: scientific discourse, liberal arts discourse, philological discourse, corpora studies, lexicology, lexicography, linguoculturology

АННОТАЦИЯ:

Рассматривается феномен современного естественно-научного и гуманитарно-научного дискурса. Филологический дискурс может быть и естественно-научным, и гуманитарно-научным в зависимости от того, какой аспект языка/литературы изучается. Развитие корпусных технологий во всех славянских странах способствует смещению расположенного на оси «arts» – «sciences» массива филологических исследований в сторону «sciences».

Ключевые слова: естественно-научный дискурс, гуманитарный дискурс, филологический дискурс, славистика, корпусные исследования, лексикология, лексикография, лингвокультурология

Прежде всего я хотел бы задать очень старый вопрос: Что такое филология? Это «искусство» или «наука», относится ли она к тому, что в англоязычном мире принято называть ARTS или к тому, что там обозначают как SCIENCES? Или же это и то, и другое?

По свидетельству ученика А.Н. Колмогорова А.Н. Ширяева (круглый стол на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А.Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественнонаучным и гуманитарно-научным знанием. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой – математические науки), а об уникальности/неуникальности объекта исследования.

Естествоиспытатель имеет дело в основном с не уникальными объектами исследования. Знание, установленное в результате естественнонаучного эксперимента, в силу этого **верифицируемо**. Работа с результатами верифицируемого эксперимента - суть естественнонаучного исследования.

Гуманитарий же занимается, как правило, тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что татаро-монголы, разбив в Силезии объединенное войско Великой и Малой Польши, Тевтонского ордена, Тамплиеров, Госпитальеров, а также добровольцев со всей Центральной Европы, опустошив Моравию, Словакию, Венгрию, Хорватию и дойдя в 1242 году до берегов Адриатики, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшему поход Батью надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была якобы бессильна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам) или же потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (как учили в школе автора настоящих строк). Анализ результатов верифицируемого эксперимента гуманитарии заменяет критика источников, ср. [Хайдеггер 1993: 42].

Естествоиспытатель оперирует доказанными фактами, а гуманитарий – данными, истинность/ложность которых установлена с большей/меньшей степенью вероятности, поэтому первому нет нужды по ходу изложения постоянно ссылаться на источники этих доказанных фактов (эти факты есть в любом справочнике), а вот второму надо ссылаться на **все** свидетельства, на основании которых он сделал тот или иной (а тем более отличный от традиционного) вывод, чтобы любой его коллега имел возможность самостоятельно оценить корректность сделанного заключения, а в случае необходимости продолжить исследования, добавив к привлеченным свидетельствам собственные. Это важно и потому, что серьезный исследователь учитывает не только количество свидетельств в пользу той или иной версии, но и их качество (информация, почерпнутая из рецензированного научного журнала, «весит» больше, чем взятая из «народной» Википедии, и тем более больше, чем

полуанонимная заметка в Сети, которая может быть и мистификацией профессионала, и «письмом к ученому соседу» пытливого и полного энтузиазма любителя.

Человек с естественно-научным складом мышления, который привык, что в теоретическом построении нет ни одной лишней детали (как в изящном картонном домике), убежден, что и в гуманитарной науке появление дисгармонирующего с существующей традицией факта дискредитирует всю эту традицию (стоит вытащить одну единственную карту из нижнего ряда, и картонный домик рухнет). Однако речь идет не о картонном домике, а о муравейнике – десятках и сотнях тысяч элементов, весьма причудливо связанных между собой. Убрал лопату земли из основания, мы обрушим не весь муравейник, а лишь его участок.

Развивая метафору с картонным домиком и муравейником, отметим, что при построении первого из них никак не обойтись без необычайной ловкости рук, при построении же второго – без того, что немцы называют *das Sitzfleisch*, а также огромного количества строительного материала, собираемого десятилетиями. Это, конечно же, отнюдь не значит, что умелые руки (читай: «аналитические способности») не нужны строителю муравейника, однако легко объясняет численный перевес молодых «физиков» над молодыми «лириками» в первом зале «Ленинки» в советское время (когда туда пускали только профессоров и докторов наук).

Филологическое знание, как мы склонны считать, может быть и естественнонаучным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой аспект языка / литературы изучается. Если нас интересуют **неуникальные** явления (представленные в одном или нескольких языках суффиксы, приставки, синтаксические конструкции; литературные жанры и т.д.), речь идет прежде всего о естественнонаучном знании, если же объект исследования **уникален** (история конкретного языка / конкретной литературы) – прежде всего о гуманитарно-научном.

Возможна, безусловно, и комбинация естественнонаучного и гуманитарно-научного знаний, ср., например, [Изотов 1993], где речь идет, с одной стороны, об общих грамматических свойствах форм с теми или иными суффиксами, многократно употребленными в том или ином синтаксическом контексте, с другой же стороны - об историко-культурном фоне функционирования конкретной партиципальной системы в конкретном языке.

Тем не менее отнесение филологии к чему-то однозначно гуманитарному характерно как для массового сознания (ср. обидные статьи на <http://lurkmore.to/>), так и для специалистов - от позднелатинского автора Марциана Капеллы, давшего Филологии в услужение семь Свободных Искусств [Martianus Capella 1983], до С.С. Аверинцева, определявшего филологию как «сосружество гуманитарных дисциплин - лингвистич.,

литературоведч., историч. и др., изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистич. анализ письменных текстов» [Аверинцев 1977: 410].

Эти представления не смогли разрушить ни структурализм, ни «хому-скианская революция». Возможно, их сможет хотя бы поколебать «корпусная революция», о которой заговорили и у нас, см. [Изотов 2013].

Однако оправданно ли употребление слова «революция», когда речь идет о лингвистической дисциплине («корпусная лингвистика»), которая появилась около полувека назад, однако была до самого недавнего времени настолько никому не интересна, что у неё до сих пор нет даже собственного УДК-классификатора (приводимый обычно УДК-81'32 - это «Математическая лингвистика»)? Конечно, оправданно, и вот почему:

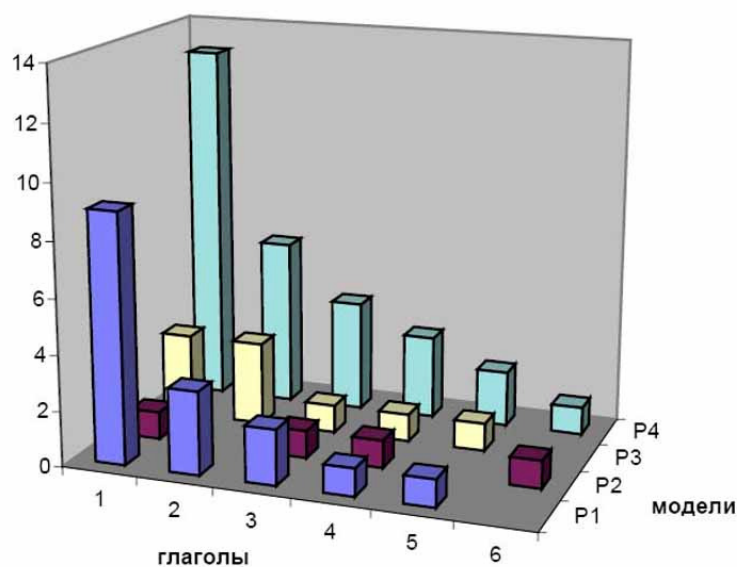
Во-первых, сама дисциплина развивается так стремительно, что учебные материалы по ней устаревают, едва будучи опубликованными. Например, в замечательном (без всякой иронии) учебнике [Захаров, Богданова 2011], вышедшем в 2011 году, в Приложении 1 (Список Национальных корпусов) объем Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>) определен в **70 млн.** слов, тогда как уже в январе 2012 года этот объем равнялся **364 млн.** Что же касается ставшего **полуторамиллиардным** к 2012 году Национального корпуса чешского языка (сегодня совокупный объем его подкорпусов уже **около двух с половиной миллиардов** токенов – <http://ucnk.ff.cuni.cz/>), то он описывается в этом учебнике как ещё 100-миллионный.

Во-вторых, развитие корпусной лингвистики за последнее десятилетие позволило перевести изучение языкового материала на принципиально иной уровень. Если еще 10-15 лет назад при описании не отличающихся высокой частотностью явлений исследователь был вынужден опираться во многом на собственную интуицию, то появление крупных (свыше миллиарда словоупотреблений) репрезентативных корпусов, снабженных соответствующим программным обеспечением, расширило эмпирическую базу исследования до немыслимых прежде объемов. Ведь нетрудно подсчитать, что если бы кто-то захотел просто прочитать вслух составляющие входящий в состав Национального корпуса чешского языка тексты, объединенные в подкорпусе SYN – всего 2 миллиарда 232 миллионов токенов (120 слов в минуту – нормальный темп чешской речи, 8 часов в день без выходных и праздничных дней), ему понадобилось бы для этого **более 100 лет!** Компьютер же просмотрит весь этот массив в поисках заданной словоформы, лексемы, грамматической конструкции (а также их комбинации) в течение нескольких минут.

Эти возросшие возможности хорошо иллюстрируются сравнением трех статей на одну и ту же тему (побуждение, выраженное перформа-

тивной конструкцией) [Изотов 2000], [Изотов 2001], [Изотов 2012 (б)]. Первая из них писалась на материале, собранном в «докорпусную эпоху» - около 10 000 высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения, извлеченных сплошной выборкой из соотносительных по жанру, объему и времени написания произведений художественной литературы; в составе эксплицитных перформативных конструкций было документировано употребление 6 чешских перформативных глаголов.

Частотность чешских перформативных глаголов в составе базовых перформативных моделей

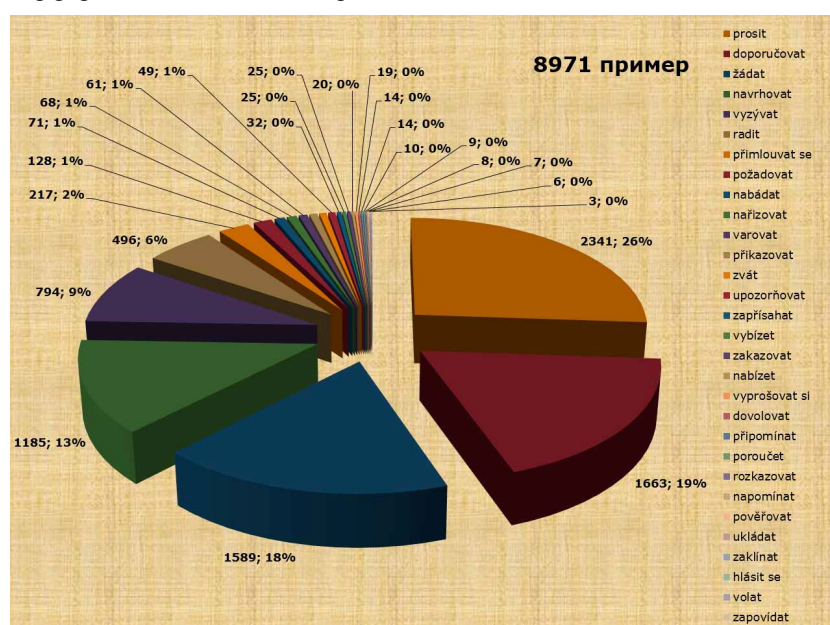
Модели:

- Ряд Р1 — модель с кондиционалом.
- Ряд Р2 — модель с инфинитивом.
- Ряд Р3 — модель с существительным.
- Ряд Р4 — общее число по всем трем моделям

Глаголы:

- 1) *prosit*; 2) *žadat*; 3) *navrhovat*; 4) *doporučovat*; 5) *radit*; 6) *zakazovat*

Привлечение материала появившегося 100-миллионного подкорпуса SYN2000 позволило довести число рассматриваемых чешских перформативных глаголов во второй статье до **30**. Наконец, увеличенный ко дню написания третьей статьи до объема в 1,3-миллиардов токенов подкорпус SYN документирует употребление в составе побудительных высказываний **37** чешских директивных и директивно-комиссивных перформативных глаголов, ср.:

И, наконец, **в-третьих**: обращение филолога к корпусу как основному источнику фактического материала в условиях современного развития Интернета и компьютерных технологий не в разы, но в порядки повышает **верифицируемость** используемых им данных. Например, для того, чтобы верифицировать даже какую-нибудь мелочь из кандидатской диссертации автора настоящих строк [Изотов 1991], для которой он когда-то с аспирантским энтузиазмом в течение трех лет собирал фактический материал, еще совсем недавно пришлось бы повторить этот трудоёмкий аналог естественнонаучного эксперимента (выборку примеров по заданному алгоритму из заданного массива текстов). Пользуясь же материалом Национального корпуса чешского языка, швейцарский исследователь М. Гигер не только проверил сделанные нами 20 лет назад выводы о статусе и функциональной нагруженности редкого при-

частного типа на -(v)ší, но и существеннейшим образом откорректировал их, рассмотрев те аспекты их функционирования, анализ которых был в докорпусную эпоху немыслим, см. [Giger 2010].

Предоставляемая корпусом возможность располагать беспрецедентным объемом контекстов употреблении той или иной лексической единицы и/или грамматической конструкции позволяет более надёжно определять особенности концептуализации в языке той или иной семантической категории, см. [Изотов 2012 г], а в конечном итоге – особенности соответствующих языковых картин мира, см. [Изотов 2012 в].

Корпус бесценен для лексиколога и лексикографа, так как позволяет, например, при составлении словника исходить не из интуиции и неких умозрительных соображений, а из реальной употребительности тех или иных лексем в современных текстах. Это же реальное функционирование лексических единиц в речи определяет и выбор вариантов, и порядок следования синонимов, и сочетаемость, см. подготовленные на корпусном материале словари [Изотов 2012 (а)], [Изотов 2014].

Являясь своего рода огромной энциклопедией, хотя и организованной не парадигматически, а синтагматически, корпус может быть весьма полезен и лингвокультурологу, см. [Изотов 2010].

Besides **Shakespeare** and **Hemingway**, among the most popular Anglo-American authors (more than 100 mentions in SYN2000 including mentioning their literary work or literary character) are the following:

George Orwell (277)
Robert Louis Stevenson (273)
Virginia Woolf (271)
Sir Arthur Conan Doyle (271)
George Bernard Shaw (267)
Charles Dickens (173)
Mark Twain (168)
Jonathan Swift (161)
Lewis Carroll (136)
Oscar Wilde (124)
John Steinbeck (112)
William Faulkner (110)
T. S. Eliot (108)
Walt Whitman (103)
Joseph Conrad (102)

Andrey I. Izotov

AMERICAN CULTURAL LITERACY
PHENOMENA IN THE MIRROR OF
CZECH NATIONAL CORPUS

LITERATURE
MYTHOLOGY
FOLKLORE

<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/american.pdf>

Таким образом, обращение к корпусному материалу в филологическом исследовании ощутимо сдвигает это исследование по оси «гуманитарное знание» - «естественнонаучное знание» в сторону последнего, не превращая при этом «гуманитария» в «технаря».

Одним из мировых лидеров в корпусных исследованиях остается Чехия, поэтому неудивительно, что именно в Праге возникла традиция использовать корпусный материал для анализа не только лексического, но также и грамматического строя языка. На базе Института чешского языка Академии наук Чешской республики в ноябре 2005 года прошла конференция *Grammar & Corpora*, в которой приняло участие более 100 исследователей из 14 стран, см. [Изотов 2006]. В сентябре 2007 года здесь же была проведена вторая международная конференция с тем же названием и с не менее солидным числом участников, см. [Изотов 2008], а 28-30 ноября 2012 года – четвертая (третья конференция *Grammar & Corpora* проходила 22-24 сентября 2009 в Маннгейме). Продуктивность обращения к корпусному материалу практически во всех областях лингвистического исследования убедительно показала конференция, посвященная 100-летним корням Института Чешского языка, см. [Изотов 2011].

Тем не менее корпусная лингвистика активно развивается и в иных славянских странах, свидетельством чего стал изданный в прошлом году факультетом полонистики Варшавского университета «Практический справочник корпусов славянских языков», включающий в себя в себя не только описания наиболее авторитетных корпусов большинства славянских языков (польского, чешского, словацкого, нижнелужицкого, верхнелужицкого, хорватского, сербского, словенского, болгарского, македонского, русского, украинского, белорусского), но также принципы построения поисковых запросов в данных корпусах, см. [Hebal-Jeziarska 2014]. Справочник вышел под общей редакцией *М. Хебаль-Езерской (Milena Hebal-Jeziarska)* из Варшавского университета, которой также принадлежит авторство вступительной главы (общая характеристика справочника), первой главы (принципы унификации используемой в справочнике польской и международной терминологии в области корпусной лингвистики), третьей главы (Чешский национальный корпус) и четвертой главы (Словацкий национальный корпус).

Большинство из глав справочника (первые 14 из 16) посвящено корпусу (нескольким корпусам) того или иного славянского языка, в пятнадцатой главе рассматривается параллельный русско-польский корпус Варшавского университета, а также 32-язычный параллельный корпус ParaSol, а в шестнадцатой – 32-язычный параллельный корпус InterCorp, разрабатываемый в Карловом университете в Праге (количество привлекаемых языков планируется увеличить). Авторами глав стали многолетние активные пользователи соответствующих корпусов, а в ряде случаев – и их непосредственные разработчики, при этом большинство глав справочника характеризуются сходной структурой и сходными принципами подачи материала, насколько это позволяют различия в самих корпусах (от старых и сложно структурированных корпусов типа чешского до находящегося еще на этапе первичного развития типа македонского). Каждая глава содержит историю создания соответствующего корпуса (корпусов), характеристику составляющих тот или иной корпус текстов, а также используемого программного обеспечения, анализ их достоинств и выявленных недостатков.

Написанная *М. Банько (Miroslaw Bańko)* из Варшавского университета и *Р. Гурским (Rafał L. Górski)* из Польской Академии наук вторая глава посвящена польскому национальному корпусу, возникшему в результате совместной совместного проекта (2007-2011) двух институтов Польской академии наук, Лодзьского университета и государственного научного издательства (PWN) и включающему в себя около 1,8 миллиардов токенов, из которых около 300 миллионов токенов формируют репрезентативный корпус современного польского языка.

В распоряжении пользователя два корпусных поисковика: PELCRA и Poliqar. Тот, кто захочет воспользоваться первым из них, вписывает запрос в уже существующие рубрики, при этом поиск может уточняться знаком одиночного астериска (заменяет собой любое положительное число любых символов), пары астерисков (заменяет любой аффикс словоизменения), знака вопроса (заменяет любой одиночный символ) и т.д., например, поиск **tymianek** даст все контексты употребления данной словоформы, поиск **tymian*** – все контексты со словами, начинающимися на последовательность букв *tymian*, например, со словами *tymianek*, *tymiankowy*, *Tymiankach*, поиск **tymianek**** – все контексты с формами словоизменения данного слова, например, *tymianek*, *tymiankiem*, *tymianku*, поиск **tymianek**|bazylia**|czosnek**** – все контексты с формами словоизменения всех трёх названных слов. Тот же, кто предпочтет обратиться к поисковику Poliqar, должен будет предварительно освоить его синтаксис (впрочем, довольно простой). Например, для поиска всех форм той или иной лексики используется запрос типа [base = pies], для поиска форм дательного падежа единственного или множественного числа – запрос типа [base = pies & cas = dat]. Запрос типа [base = pies | base = kot] даст нам контексты употребления всех возможных форм двух существительных, запрос [base = .+mówić] – контексты употребления всех возможных форм всех возможных глаголов, инфинитив которых оканчивается на *mówić*, запрос [orth = P.*] – контексты употребления слов, начинающихся с заглавной буквы P и т.д. Запрос [base = budzić] [] {,3}{orth = się} | [orth = się] [base = budzić] даст все контексты употребления форм глагола *budzić się* (с возвратной частицей *się*, которая, в отличие от русской возвратной частицы *ся/сь*, не привязана жестко к глагольной форме), а запрос [!orth = się] [base = budzić] [!orth = się] – все контексты форм глагола *budzić* (**без** возвратной частицы *się*; знак "!" в запросе означает запрет того или иного параметра). Приводятся и некоторые другие поисковые формулы.

В отдельном параграфе описываются дополнительные возможности использования обоих поисковиков с отсылками как на уже осуществленные, так и на запланированные проекты, например, на представленный в Интернете большой словарь польского языка <http://wsjp.pl/>.

По аналогичной схеме строятся и другие главы справочника, что делает его необычайно ценным для всех исследователей современных славянских языков и в особенности для тех из них, кто только начинает свой путь в науке. Впрочем, справочник порадует и тех, у кого возникла потребность обратиться к корпусу не входящего в обычные научные интересы славянского языка и кто поэтому ориентируется в «чужом» корпусном пространстве не так свободно, как в своем собственном.

Справочник был представлен лингвистической общественности на организованной Институтом чешского языка Академии наук Чехии и Варшавским университетом конференции “Grammar & Corpora 5”, см. [Самсонов 2014].

Электронная версия справочника находится в свободном доступе по адресу http://iszip.uw.edu.pl/files/pdf/praktyczny_przewodnik.pdf

Литература / References

- Аверинцев С.С. Филология // БСЭ. Т. 27. – М., 1977. – С. 410-412.
- Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
- Изотов А.И. Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – М., 1991. – 24 с.
- Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. – М.: Филологический факультет МГУ, 1993. – 100 с.
- Изотов А. И. Об иллюкутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 15. – М.: МАКС Пресс, 2000. – С. 62-70.
- Изотов А. И. Чешские перформативные глаголы в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 23-31.
- Изотов А. И. Грамматика и корпус: Международная конференция в Праге // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. – 2006. – № 3. – С. 215-219.
- Изотов А. И. Грамматика и корпус: Очередная международная конференция по корпусной лингвистике в Чехии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. – 2008. – № 3. – С. 211-215.
- Изотов А. И. Американская культура в зеркале национального корпуса чешского языка: Литература, мифология, фольклор. – М.: Издательство «Азбуковник», 2010. – 200 с.
- Изотов А. И. Чешский язык в синхронии и диахронии: столетние корни Института чешского языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. – 2011. – № 5. – С. 212-216.
- Изотов А. И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. – М.: Дрофа, 2012. – 1024 с. (а)
- Изотов А. И. Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-комиссивных перформативных глаголов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – 2012. – № 3. – С.99-107. (б)

- Изотов А.И. Побудительная модальность как зона асимметрии русской и чешской языковых картин мира // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №11. – С. 78-83. (в)
- Изотов А.И. Особенности концептуализации авторитарного побуждения в русской и чешской языковых картинах мира // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 4. – С. 17-22. (г)
- Изотов А.И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-1. – С. 68-71.
- Изотов А. И. Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. – М.: Филоматис, 2014. – 832 с.
- Самсонов В.В. Грамматика и корпус: 5-я международная научная конференция в Варшаве // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2014. – №4. – С. 229-234.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
- Giger M. The Czech active past participle in -(v)ší in contemporary journalist texts // Korpus - Gramatika - Axiologie. Journal for corpus research and evaluation of language. – 2010. – № 2. – Pp. 3-23.
- Hebal-Jezierska, M. (Ed.) Praktyczny przewodnik po korpusach języków słowiańskich. – Warszawa: Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. – 2014. – 231 s.
- Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii / Ed. J. Willis. – Leipzig, 1983.

ЧЕШСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ¹

А.И. Изотов

CZECH AS A FOREIGN LANGUAGE

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The review considers the collection of articles “Czech as a foreign language VII: International symposium proceedings” published in 2014 in Prague. The symposium was dedicated to the 35th anniversary of the Institute for Slavic studies at Charles University in Prague as a specialised centre dedicated to teaching Czech for foreigners.

Keywords: Charles University; Czech as a foreign language; language teaching; language acquiring; standard language

АННОТАЦИЯ:

Рецензируемый сборник содержит материалы, присланные участниками VII Международного симпозиума «Чешский язык в мире и мир в чешском языке» (Прага, 13-18 августа 2013), посвященном 35-летию основания в Карловом университете в Праге Института и Летней школы славянских студий - специализированного центра по преподаванию чешского языка для иностранных студентов, в котором приняли участие богемисты 15 стран и четырех континентов - Европы, Америки, Австралии и Африки.

Ключевые слова: Карлов университет в Праге; чешский язык как иностранный, лингводидактика; литературный язык

Сборник издан Институтом богемистических студий философского факультета Карлова университета в Праге в сотрудничестве с издательством Euroslavica.

В открывающей сборник заметке [Tatarková 2014] описывается программа Министерства образования, молодежи и спорта Чешской республики по программе поддержки соотечественников за рубежом, включающие организацию для них курсов преподавания чешского языка.

¹ Рецензия на книгу: Čeština jako cizí jazyk VII: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – 368 s.

В аналитической статье директора Летней школы *Й. Гасила* [Hasil 2014a] была представлена история преподавания в Праге чешского языка как языка высшей школы, начиная с XIX века, когда соответствующие курсы появились в разделенных на чешскую и немецкую части Пражском высшем техническом училище (1863) и Пражском университете (1882). Отмечалось, впрочем, что тогдашними слушателями данных курсов были прежде всего чехи, закончившие немецкие гимназии, а массовое преподавание чешского языка собственно для иностранцев началось после первой и особенно после второй мировой войны, когда были сформированы специализированные центры. В 1956 году в Карловом университете была основана кафедра чешского языка для иностранцев, которую возглавил *М. Сова* - в свое время первый официальный лектор чешского языка для иностранцев в Карловом университете и которой в 60-е годы плодотворно руководил один из ведущих чешских богемистов *И. Гронек*. В процессе так называемой «нормализации» кафедра была трансформирована сначала в секцию при кафедре чешского и словацкого языка, а в 1978 году - в Институт славянских студий (в настоящее время - Институт богемистических студий, см. <http://ubs.ff.cuni.cz/>) при философском факультете. Важно отметить, что целый ряд учебных пособий, подготовленных в 70-80-е годы *А. Трнковой*, *Г. Конфортиовой*, *В. Шусталовой* и их коллегами, успешно используются до сих пор, неоднократно переиздаваясь, ср., например, [Šustalová 1980], [Textová... 1994], [Confortiová, Krejčová 1998]. Интеграция в западноевропейское образовательное пространство после «Бархатной революции» привела к масштабной перестройке образовательного процесса в соответствии с изменившимися требованиями. В тесном сотрудничестве с коллегами из университетов в Брно, Оломоуце, Остраве, Усти-над-Лабом были выработаны критерии сертификационных экзаменов уровней A1, A2, B1, B2, C1 по чешскому языку в соответствии с действующими евростандартами, подготовлены соответствующие учебные пособия, ср. [Cvejnová 2008; 2012], [Hádková et al. 2008], [Kestránková et al. 2011], [Hrdlička 2010], [Hádková 2008]. Следует особо отметить организацию двухсеместровых курсов чешского языка, готовящих иностранцев для учебы в чешских вузах.

В статье директора Института богемистических студий *М. Грдлички* [Hrdlička 2014 a] было отмечено, что Карлов университет, входящий в соответствии с наиболее авторитетными рейтингами в первую сотню лучших университетов Европы и в 2% лучших университетов мира, - единственный вуз в Чехии, готовящий специалистов по преподаванию чешского языка как иностранного по программам подготовки бакалавра, магистра и доктора, и было рассмотрено современное состояние, а также перспективы развития данной специальности.

Статья [Hasil 2014b] общим проблемам преподавания чешского языка в мире и требованиям, которые должны предъявляться к лекторам чешского языка за рубежом – академическая степень не ниже магистерской по соответствующей специальности и уже имеющийся опыт преподавания чешского языка как неродного для детей и взрослых.

В статье [Šechová 2014] была представлена история споров о принципах кодификации литературного чешского языка - от противостояния редакции журнала *Naše řeč* и Пражского лингвистического кружка в 20-е годы минувшего столетия до современной эмоциональной дискуссии между приверженцами «теории языковой культуры» (*Фр. Данеш*) и сторонниками «теории минимального вмешательства» (*Фр. Чермак, П. Сгалл*), - в которой на обеих сторонах участвуют лингвисты мирового уровня, подробнее см., например, [Изотов 2013].

Обобщающий характер имеют также статья [Hudousková 2014] о типологии студенческих ошибок, статья [Adamovičová 2014] о межъязыковой интерференции и статья [Bartošová 2014] о типологии учебных текстов).

В статье [Kubičková 2014] о возможностях так называемой «сигнальной грамматики» были рассмотрены произошедшие в последние десятилетия изменения в графическом оформлении учебного материала по иностранному языку, обусловленные как изменением полиграфической базы, так и изменениями в особенностях восприятия информации студента.

Современным стратегиям построения курса иностранного языка была посвящена и статья [Lukášová 2014]. В статье [Urbańczyk-Adach 2014] были проанализированы представленные в чешском секторе интернета англицизмы в различной степени их графической и морфологической освоенности, такие как *peepboots* ‘дамские туфли, не закрывающие пальцы’, *oxfordky* ‘дамские туфли мужского стиля’, *fake / fejk* ‘контрафактное изделие’, *sekáč* ‘магазин second hand’ и т.д.

В статье [Ivanovová 2014] был представлен опыт использования аутентичных текстов (чат, рекламное объявление, гороскоп) в занятиях с иностранцами.

Активному использованию аутентичных литературных текстов на занятиях по чешскому языку были посвящены статья [Sachrová 2014] и статья [Kyuchin Kim 2014].

В статье [Hasilová 2014] были рассмотрены проблемы языковой подготовки иностранца к написанию и последующей публичной защите дипломного проекта на чешском языке.

Методике выработки навыков создания письменных текстов (подготовка > написание > самостоятельный анализ > обсуждение в группе >

редактирование > презентация) была посвящена и статья [Hajíčková 2014].

Статья [Vocsov Kestřánková 2014] рассмотрела новаторскую методику освоения языкового материала с помощью театрализованного представления.

Статья [Svejnová 2014] была посвящен вопросам, связанным с перспективами развития системы сертификационных экзаменов. Рассматривалось возможное повышение требований к экзамену для получения вида на жительство (с действующего A1 до A2), а также введение экзамена уровня B1 для получения гражданства. Было отмечено, что за последние пять лет экзамен по чешскому языку для вида на жительство сдало около 40 тысяч человек, среди которых больше всего украинцев (на втором месте вьетнамцы, на третьем - русские), при этом сейчас, как и пять лет назад, экзамен успешно сдает около 80% экзаменуемых. Мы хотим особо отметить, что автор данной статьи является в то же время автором одних из наиболее удачных, на наш взгляд, современных коммуникативных учебных пособий по чешскому языку для иностранцев уровня A1 [Svejnová 2008] и уровня A2 [Svejnová 2012].

В статье [Nerlich 2014] были проанализированы основные принципы международной системы сертификации и аккредитации языковых программ UNICert®, охватывающей более 100 языковых центров Германии, Австрии и Швейцарии.

Статья [Veroňková 2014] была посвящен темпу речи как показателю степени освоения чешского языка иностранцем.

В статье [Kerlová 2014] вниманию читателей предлагается интернет-курс чешского языка, построенный в соответствии с популярными в США принципами онлайн-обучения, см. <http://www.mooc-list.com>, когда на одного преподавателя могут приходиться тысячи студентов. Речь идет о методиках, рассчитанных не на элитарное, а на массовое образование.

В статье [Balowski 2014] был проанализирован социокультурный компонент используемых в популярных учебниках чешского языка имен собственных (антропонимов, этнонимов, псевдозоонимов; хоронимов, гидронимов, оронимов, урбонимов, урбанонимов; акционимов, эргонимов, фалеронимов, идеонимов, уникатонимов и т.д.).

Развитию социокультурной компетенции на основе прецедентных феноменов была посвящена статья [Vážanová 2014].

Статья [Kořánová 2014] о преподавании особенностей видовых значений чешского глагола иностранным учащимся, демонстрировала плодотворность привлечения корпусного материала.

В статье [Hrdlička 2014 б] были рассмотрены основные тенденции развития значения и функционирования предлогов в современном чешском речеупотреблении (изменения в стилевой и стилистической зна-

чимости многих предлогов, экспансия предлога *na*, активное проникновение в современную чешскую устную и письменную речь предлогов иностранного происхождения и т.д.), в статье [Confortiová 2014] - сложные аспекты функционирования чешских возвратных глаголов.

Статья [Vasiljeva, Vorobjeva 2014] была посвящена проблемам чешско-русской межъязыковой асимметрии, обусловленным национальной спецификой близкородственных языков в процессе исторического развития, на материале русских функционально-семантических эквивалентов чешских конструкций с глаголом *mít* 'иметь' как в теоретическом, так и в лингводидактическом аспектах.

В сопоставительном чешско-русском аспекте строилась и статья [Kulich 2014], с которой последовательно сопоставлялись словоизменительные парадигмы чешских и русских существительных.

В статье [Rytel-Schwarz, Schwarz 2014], в которой, в частности, рассказывалось о преподавании чешского языка как иностранного в высших и средних учебных заведениях Саксонии, где он в 2012 году занимал по статистике шестое место после английского, французского, русского, латинского и испанского, была рассмотрена проблема авторства высказывания «Сколько языков ты знаешь - столько раз ты человек», приписываемого и Чехову, и Масарику, и Гёте, и Ломоносову, и Карлу V, и Марку Аврелию, и Аристотелю. По мнению авторов данной статьи, по сей день остаются актуальными принципы преподавания иностранных языков, изложенные в 22 главе «Великой дидактики» Я.А. Коменского: «...все языки можно изучать одним и тем же методом, а именно практическими упражнениями в сопровождении как можно более простых правил, отмечающих лишь отличия нового языка от языка уже изученного, причём и сами упражнения нужно давать ученикам на знакомом материале». Не утратило актуальности и то число языков, которые, по мнению Коменского, следует изучать каждому. Во-первых, это родной язык, чтобы быть достойным гражданином своей страны; во-вторых, это язык соседей, чтобы уметь общаться и с ними; в-третьих, это язык латинский (сегодня замененный, судя по всему, английским), нужный для чтения полезных книг.

Статья [Ernst 2014] была посвящена истории преподавания чешского языка в австрийских военных заведениях, где он со времен Священной Римской империи занимал второе место после немецкого. Так, в Терезианской военной академии (старейшем европейском военном учебном заведении) в XVIII веке официальный статус преподавателя чешского языка был выше, чем у преподавателя французского или итальянского.

Трудностям, с которыми сталкиваются изучающие чешскую фонетику носители австрийского варианта немецкого языка, была посвящена статья [Sodeyfi 2014].

В статье [Palamarčuk, Lobur, Hasil 2014] был представлен изданный во Львове учебник чешского языка для украинцев [Гасіл, Лобур, Паламарчук 2011], который стал не только примером успешного межвузовского сотрудничества (авторы представляют Карлов университет в Праге, Львовский национальный университет имени Ивана Франко и Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко соответственно), но и удачным образцом современного языкового пособия, в котором классический способ представления грамматического и лексического материала сочетается с ориентацией на выработку конкретных коммуникативных компетенций.

В статье [Izotov 2014] говорилось о преподавании чешского языка небогемистам на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, ср. [Изотов 2012]. Была отмечена неопределимая помощь чешской стороны (на факультет поступала и продолжает поступать новейшая научная и лингводидактическая литература по богемистике, приезжают высококвалифицированные лекторы чешского языка, студенты МГУ имеют возможность изучать чешский язык на летних курсах чешского языка в Чехии). Весьма показательно то, что лучший на сегодняшний день учебник чешского языка для русских [Чешский... 1988] был написан в тесном сотрудничестве московских и пражских авторов. Этот учебник, дополненный доступным в электронном виде материалом (например, [Изотов 2006; 2009; 2011]) вполне заслуживает того, чтобы продолжать использоваться в качестве основного учебного пособия и сегодня.

Статья [Inchon Kim 2014] была посвящена современному состоянию преподавания чешского языка в Корее, статья [Roubalová 2014] - в Китае. Были отмечены традиции запоминания большого количества аутентичных текстов, а также сложных письменных экзаменов.

В статье [Gebhartová 2014] рассказывалось о преподавании чешского языка в Японии поделилась *М. Гебхартова*, в статье [Gebhartová 2014] - в Аргентине.

Статья [Hassan 2014] была посвящена состоянию богемистики и её перспективах в Египте, статья [Paliga 2014] - в Румынии, статья [Borisov 2014] - в Болгарии.

В статье [Piotrowska-Malek 2014] были рассмотрены изменения в подходе к преподаванию чешского языка в Варшавском университете за последние десятилетия, в статье [Sedláková, Bónová 2014] – аналогичные изменения в университете имени Шафарика в Кошицах (Словакия).

Статья [Russell Holtebrinck 2014] представила опыт преподавания чешского языка в группах студентов с разным уровнем языковой компетенции. Сходной проблематике был посвящена и статья [Slezáková 2014] о социальном проекте по преподаванию чешского языка трудо-

вым мигрантам (занятия проходят по вечерам, их может посещать кто угодно и с какой угодно регулярностью, так что преподаватель в начале каждого занятия заново знакомится со слушателями, определяет их уровень и решает, чем на данном уроке заниматься). Статья [Pečarovičová 2014] излагала принципы преподавания словацкого языка как иностранного.

Рецензируемая публикация убедительно свидетельствует о том, что современная богемистика продолжает плодотворно развиваться не только в её традиционных центрах (Академия наук Чешской республики, Карлов университет в Праге, университет Масарика в Брно), но и во многих других чешских вузах, а также за рубежом, причем речь идет не только о чисто академических, но также и о лингводидактических аспектах.

Литература / References

- Гасіл І., Лобур Н., Паламарчук О. Чеська мова для українців. - Львів, 2011.
- Гладкова Г., Ликоманова И. Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). - Praha, 2008.
- Изотов А.И. Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 42. – 2011. – С. 85-144.
- Изотов А.И. Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. – 2009. – С. 55-88.
- Изотов А.И. Программа по чешскому языку (курс по выбору) для студентов русского отделения филологического факультета // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 44. – 2012. – С. 105-112.
- Изотов А.И. Развитие навыков чешской устной речи на материале видеофрагментов: варианты заданий // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 33. – 2006. – С. 97-117.
- Изотов А.И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. - 2013. № 1. С. 52-60.
- Чешский язык: Учебник для I и II курсов / А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская. - М., 1988.
- Adamovičová A. Mezijazyková interference a vymezení negativních pravidel v počátečních fázích osvojování češtiny // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 114-122.
- Balowski M. Sociokulturní složka učebnic češtiny jako cizího jazyka (na příkladu vlastních jmen) // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 213-227.
- Bartošová M. Modelování výuky češtiny pro cizince s využitím textových vzorců // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 41-49.
- Boccou Kestřánková M. Metoda jevištního tvaru v kontextu vybraných lingvodidaktických metod // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 199-206.
- Borisov B. Cizí jazyk jako instituce, čili o bohemistice v zahraničí (bulharský případ) // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 259-262.
- Confortiová H. Zvratná slovesa – další oříšek pro zahraniční studenty // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 88-94.

- Confortiová H., Krejčová M.* Mluvíme česky. - Praha, 1998.
- Cvejnová J.* Česky, prosím I [A1]. - Praha, 2008.
- Cvejnová J.* Česky, prosím II [A2]. - Praha, 2012.
- Cvejnová J.* Vývoj a další perspektivy zkoušek z českého jazyka pro migranty // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 341-350.
- Čechová M.* Kodifikace češtiny i z pohledu cizinců // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 57-62.
- Čechová M.* Současná stylistika. - Praha, 2011.
- Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku.* - Praha: Euroslavica, 2014. - 368 s.
- Ernst J.* Vyučování jazyka českého v profesním prostředí – dříve a dnes // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 243-249
- Gebhartová M.* Gramatika, nebo živý jazyk? Problematika výuky cizích jazyků v japonském prostředí // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 282-284.
- Hádková M.* Путь к европейскому многоязычию // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 36. - 2008. - С. 100-104.
- Hádková M., Hrdlička M., Bischofová J., Adamovičová A., Hasil J.* Čeština pro cizince a azylanty B2. - Brno, 2008.
- Hajičková Z.* K rozvoji dovedností psaní // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 159-168.
- Hanušova H.* O managementu výuky češtiny a vlivu státní jazykové politiky na tuto výuku v Argentině ve 20. a 21. století // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 291-299.
- Hasil J.* Pražská výuka češtiny pro cizince a 35 let Ústavu bohemistických studií // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 11-25. (a)
- Hasil J.* Čeština ve světě // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 30-33. (b)
- Hasilová H.* Ústní projev ve výuce češtiny pro cizince na českých vysokých školách // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 169-175.
- Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyku. - Plzeň, 2010.
- Hrdlička M.* Ústav bohemistických studií FF UK – současnost a výhledy // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S.26-29. (a)
- Hrdlička M.* K odrazu světa v mikrosvětě českých předložek // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 80-87. (b)
- Hudoušková A.* Od analýzy k syntéze: jak typologie ovlivňuje L2 // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 34-40.
- Inchon Kim.* Výuka češtiny v Koreji: gramatická úskalí a mezijazyková interference // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 123-131.
- Ivanovová D.* Význam a místo autentických materiálů v procesu výuky češtiny jako cizího jazyka // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. - Praha: Euroslavica, 2014. - S. 176-181.

- Izotov A.* Čeština pro nebohemisty na filologické fakultě Moskevské univerzity před 20 léty a dnes // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 254-258.
- Kerlová M.* Online Learning: Nové možnosti a nová úskalí pro výuku češtiny v zahraničí. Příklad Spojených států amerických // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 300-306.
- Kestřánková M., Kopicová K., Šnidaufová G.* Čeština pro cizince. Úroveň B1. - Brno, 2011.
- Kořánová I.* K metodice výuky českého vidu // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 141-149.
- Kubičková J.* Využití signální gramatiky ve výuce češtiny pro cizince // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 132-140.
- Kulich K.* Srovnání ruské a české deklinace podstatných jmen se zaměřením na výuku češtiny pro cizince // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 101-113.
- Kyuchin Kim.* Použití českých písní, přísloví a literatury při výuce českého jazyka a literatury na HUFŠ // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 192-198.
- Lukášova J.* Moderní tendence ve výuce cizích jazyků: poslechové strategie a taktiky // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 150-158.
- Lumido Hassan* Egyptská bohemistika // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 272-276.
- Nerlich L.* Akreditační a certifikační systém UNlcert® a jeho význam pro češtinu jako cizí jazyk v Německu // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 351-361.
- Palamarčuk O., Lobur N., Hasil J.* Učebnice češtiny pro Ukrajince jako výsledek úzké meziuniverzitní spolupráce // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 228-238.
- Paliga S.* Čeština v Bukurešti // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 263-271.
- Pekaričová J.* K didaktice slovenčiny ako cudzieho jazyka // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 307-318.
- Piotrowska-Malek T.* Změny v přístupu k výuce češtiny a české kultury v posledních letech na příkladu Varšavské univerzity // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 250-253.
- Roubalová E.* Výuka češtiny v Číně // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 277-281.
- Russell Holtebrinck M.* Curriculum *on-the go*: výuka malého jazyka ve skupinách studentů s různou úrovní vstupních znalostí // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 286-290.
- Rytel-Schwarz D., Schwarz W.W.* Čeština, polština a němčina - blízkost a vzdálenost jazyků sousedních zemí // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 50-56.
- Sachrová K.* Využití poezie v hodinách češtiny pro cizince jako kreativní přístup v moderní výuce // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 182-191.
- Sedláková M., Bónová I.* Implementácia skúseností z vyučovania češtiny pre cudzincov do tvorby projektu *Slovenčina ako cudzi jazyk* v podmienkach UPJŠ v Košiciach // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 319-333.

- Sgall P, Hronek J.* Čeština bez příkras. - Praha, 1992.
- Slezáková M.* Nizkoprahové kurzy češtiny pro cizince // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 334-340.
- Sodeyfi H.* Čeština jako cizí jazyk a čeština pro cizince na počátku 21. století - lingvistická a lingvodidaktická reflexe z hlediska rakouské němčiny // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 239-242.
- Šustalová V.* Slovní zásoba k základním konverzačním okruhům. - Praha, 1980.
- Tatarková I.* Dům zahraničních služeb a čeština pro cizince // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 9-10.
- Textová cvičebnice českého jazyka / Ed. *A. Trnková.* - Praha, 1994.
- Urbańczyk-Adach N.* Co je dnes v češtině *in a cool* // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 73-79.
- Vasiljeva V., Vorobjeva N.* České sloveso *mít* a jeho ekvivalenty v ruštině (k problému mezijazykové asymetrie) // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 95-100.
- Vážanová V.* Reklamní spoty jako prostředek pro rozvoj sociokulturní kompetence ve výuce češtiny jako cizího jazyka // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 207-212.
- Veroňková J.* Tempo řeči jako ukazatel stupně osvojení češtiny jako cizího jazyka // Čeština jako cizí jazyk VII.: Materiály ze VII. mezinárodního symposia o češtině jako cizím jazyku. – Praha: Euroslavica, 2014. – S. 63-72.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Ван Хунвэй – аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: hongwei127@mail.ru

Дербишева Замира Касымбековна – доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкого университета "Манас", г. Бишкек, Кыргызстан
e-mail: derb-07@rambler.ru

Захаренко Ирина Владимировна – старший преподаватель филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: zakharenk.irina@yandex.ru

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Кульпина Валентина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Лю Сяо – аспирантка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: transliftion@gmail.com

Татаринов Виктор Андреевич – доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм)
e-mail: rossterm@mail.ru

Янь Кай – аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: ky_710@mail.ru